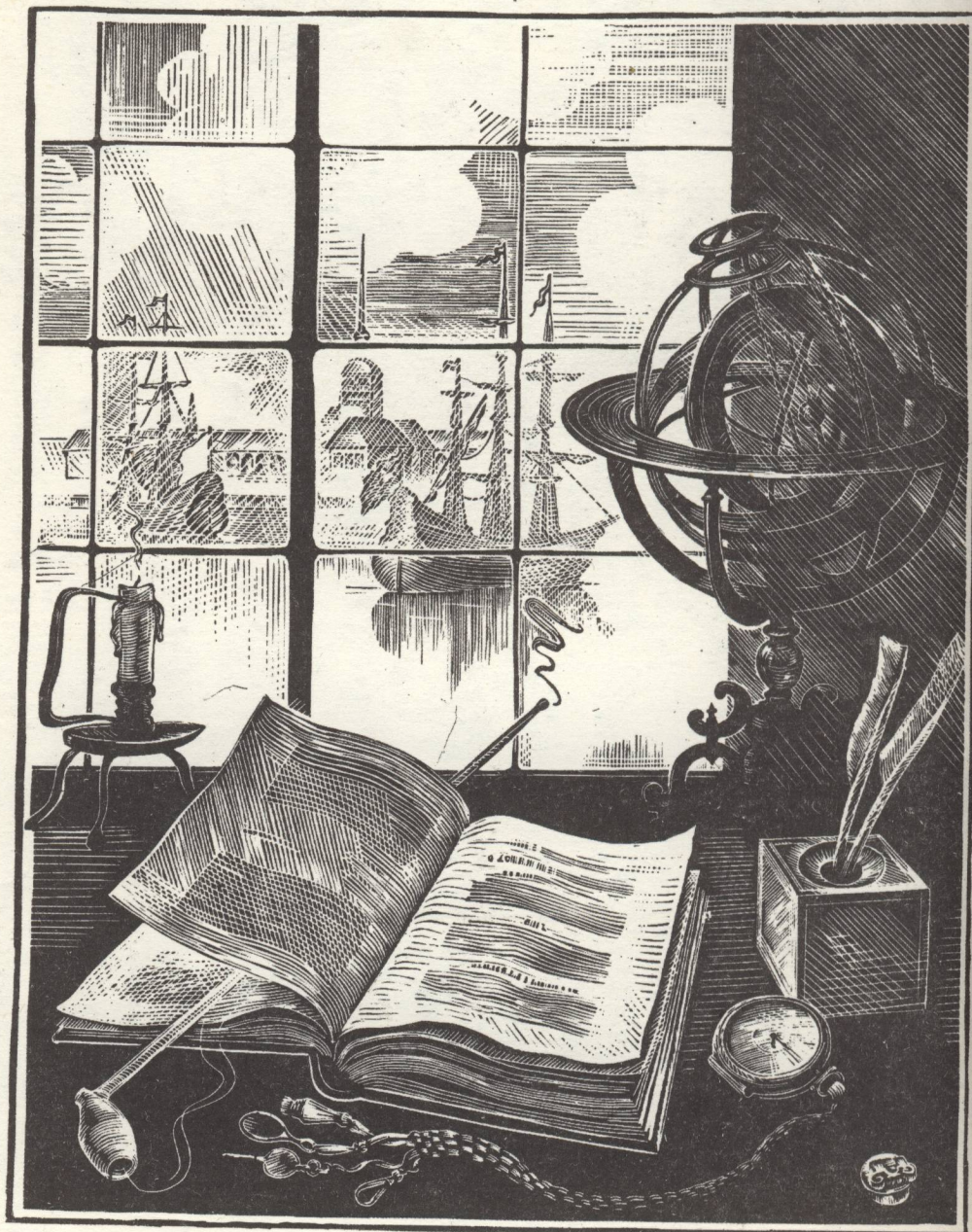

ИСКРКА

10 ОКТЯБРЬ
1986

Рудольф Яхнин. „Петровский портной порт.“ /Гравюра/

ИСКОРКА

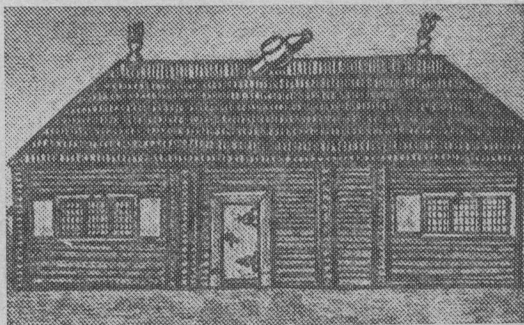
газеты
Ленинские
искры,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

10 ОКТЯБРЬ
1986

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Домик Петра I: Первоначальный облик.
Со старинной гравюры.

Наталия ГЛИНКА

Юность Петербурга

В октябре 1702 года русские взяли штурмом старинную крепость Нотебург — некогда Орешек, теперь переименованную Петром в Шлиссельбург — ключ-город, ключ к Прибалтике.

1 мая 1703 года сдался Ниеншанц — шведская крепость на правом берегу Невы у впадения в неё речки Охты. А 2 мая стало известно, что со стороны залива приближается шведская эскадра из девяти судов. Несколько дней крейсировали они у берегов, не зная, что Ниеншанц пал; наконец два корабля — «Гедан» и «Астрильд» — вошли в невшское устье и бросили якоря.

Тогда Пётр посадил солдат-твардейцев в лодки, разделил на отряды: одним командовал сам, другой доверил «другу сердешному» Александру Даниловичу Меншикову... И пошли в обход. На рассвете 7 мая они напали на шведов и в абордажном бою захватили оба корабля. Это была первая морская победа русских.

События развивались так стремительно, а шведы были так близко, что времени терять было нельзя: сразу стали искать место для крепости.

Ниеншанц был признан негодным, «понеже оный мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от натуры».

Пётр не гнушался никакой работой, сам с несколькими помощниками обследовал течение и дельту Невы, промерял глубину, уточнял фарватер, осматривал илистые берега, где виднелось несколько ветряных мельниц, и, наконец, указал место, где «будет город заложен».

План Невской дельты в 1704 году.
1. Крепость Ниеншанц. 2. Кронверк крепости Ниеншанц. 3. Петропавловская крепость. 4. Кронверк Петропавловской крепости. 5. Адмиралтейская крепость.

Одно из первых изображений Петропавловской крепости.
Гравюра Ф. Н. Никитина. 1705 г.

Маленький островок у правого берега назывался финнами Заячий, а шведами — Весёлый. Расположен в самом широком месте Невы, где река чуть ниже разветвляется на два основных рукава — Большую и Малую Неву. Островок был настолько мал (около 750 м в длину и 360 м в ширину), что для устройства фортеции пришлось искусственно поднять отмели. Зато с этого места можно было контролировать всю дельту реки.

Распорядившись начинать земляные работы без него, Пётр уехал в Лодейное Поле осматривать тамошнюю верфь. 16 (27-го по новому стилю) мая 1703 года на Заячьем острове появились тысячи землекопов и плотников, которые под наблюдением Меншикова, только что назначенного губернатором, принялись укреплять болотистую почву сваями и «ряжами» (бревенчатые срубы, заполненные камнями). Потом стали насыпать земляные бастионы. Этот день и принято считать днём рождения Петербурга, хотя само название появилось чуть позже — 29 июня, в день именин Петра, когда уже в его присутствии посреди крепости заложили деревянную церковь во имя апостолов Петра и Павла — предшественницу нынешнего Петропавловского собора.

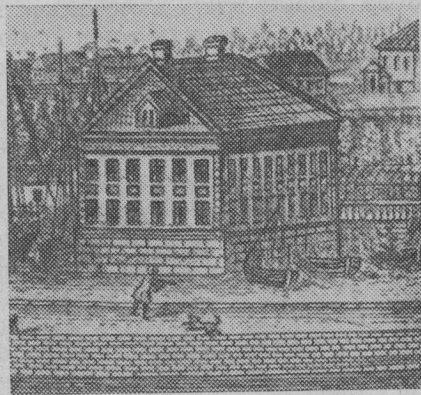
Вскоре два эти события как бы совместились, и в первой русской газете «Ведомости» от 4 октября 1703 года было напечатано о том, что летом Пётр «новую и зело угодную крепость построить велел, в ней же шесть бастионов, где работали двадцать тысяч человек подкопщиков, и тое крепость на своё государское именование прозванием Питербурхом обновить указал», одновременно сообщалось и о закладке церкви «при троекратном с города и кораблей стрельные из пушек».

Невольно напрашиваются вопросы: «С какого города? Откуда взялся город?» Думается, что здесь это слово употреблено в том смысле, в каком в Древней Руси говорили «град», то есть ограждённое, укреплённое место, оно же — крепость. В Западной Европе так же в двух значениях понимается слово «бург».

Салютовали из пушек, стоявших на только что насыпанных бастионах крепости «Санкт-Питер-бурх». Такое написание наиболее часто встречается в книгах, газетах и гравюрах петровского времени. Не подумайте, что в названии допущена опечатка: царь любил, что-

Первоначальный облик Петропавловской крепости.
С гравюры XVIII века.

Летний дворец. Фрагмент гравюры
А. Ф. Зубова

бы его называли Питер, как бывало в Голландии во время его первого заграничного путешествия в 1697—1698 годах. Он и вообще сохранил добрые воспоминания о Голландии, особенно об Амстердаме — городе, пронизанном каналами, которые делят его на сотню островов, соединённых между собою более чем тремястами мостов. Этот город с плотным строем домов на улицах-набережных грёзился ему и представлялся образцом, достойным подражания. Пристрастие русского царя к маленькой прибрежной стране на северо-западе Европы сказалось и в наименовании крепости и города на Неве. Следы этого пристрастия дожили до XX столетия в простонародном названии города: «Питер» — говорили о своём городе питерские рабочие.

Под прикрытием трёхсот пушек, стоявших на бастионах крепости, появляются первые жилые дома. Для этого сводят лес на части Берёзового острова — позднее был переименован в Городовой, или Городской (ныне это Петроградская сторона). У невского берега к дню именин срубили для Петра «Красные хоромы», или «Первоначальный дворец» — он стоит и по сей день в таком же виде, каким был построен. Только называется теперь скромнее — «Домик Петра». И действительно, странно называть дворцом одноэтажный бревенчатый дом, в котором сени разделяют две светлицы по сторонам — всё общей площадью около 60 м², с высотой комнат 2,5 метра. Это при росте хозяина дома 204 см!

От традиционной русской избы-шестистенки дом отличался большими широкими окнами и наружной росписью стен «по кирпичному образцу на голландский манер». Да ещё тем, что высокую четырёхскатную, крытую гонтом кровлю завершали изображения мортиры и двух бомб «с горящим пламенем» в знак того, что здесь живёт «бомбардирский капитан».

В наши дни «Домик» отдан под музей; помимо личных вещей Петра здесь хранится лодка-верейка, по преданию, построенная царём-плотником. Интересно, что ещё при жизни основателя города, в 1723 году, решено было этот первый петербургский дом сохранить для потомства, построив над ним навес на каменных столбах. Пос-

ле многих переделок и добавлений он превратился в ныне существующий кирпичный футляр с застеклёнными проёмами.

Пётр любил жить в небольших уютных низких комнатах, а когда надо было устроить торжественный приём, то делалось это в стоящем поблизости «Посольском доме» Меншикова. И хотя он тоже был одноэтажный, но значительно просторнее царского, и в нём имелась специальная «аудиенц-камера».

Рядом с «Домиком» Петра стали строить свои дома приближённые вельможи, которым отводили участки на набережной Невы. Ближе к крепости образовалась первая городская площадь — Троицкая — с первым деревянным гостиным двором. Всё в городе было «первым»: и мост, перекинутый с Берёзового острова на Заячий, и стоявшая около моста «Австерия четырёх фрегатов» — довольно большой трактир, где Пётр иногда устраивал праздники; и пристань, к которой осенью 1703 года пришвартовался первый голландский корабль, гружённый солью и вином. Ещё в мае назначил Пётр 500 золотых монет первому иностранному судну, пришедшему в Санкт-Питер-бурх, и Меншиков как губернатор торжественно награждал голландского шкипера.

Так родился город-крепость и город-порт.

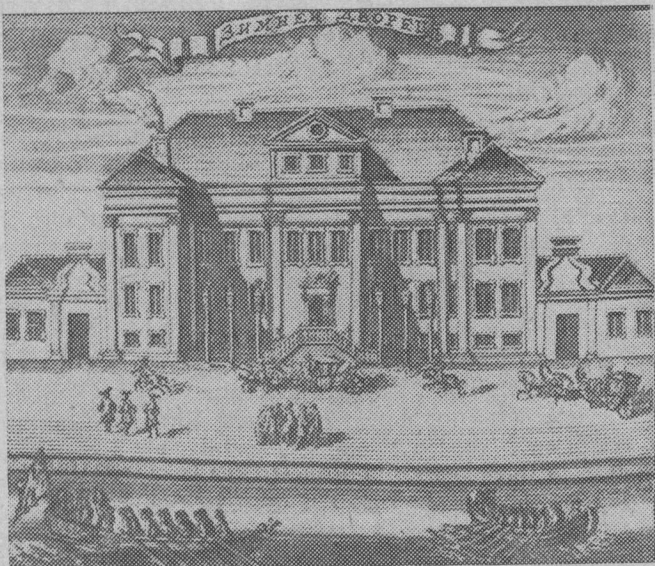
Но скоро стало известно, что молодой шведский король Карл XII посмеивается над действиями русских: «Пускай сосед Пётр строит города, которые будут взяты шведами».

И похоже, что сказано это было не ради красного словца. Шведские вооружённые отряды то и дело появлялись около Петербурга, угрожая ему то с суши, то с моря. Усиление оборонной мощи новорождённого города было необходимо. И когда в октябре 1703 года приехал первый иностранный архитектор-профессионал Доменико Трезини, известный также и как инженер и фортификатор, он сразу же получил от царя задание построить на искусственном острове в Финском заливе артиллерийский форт Кроншлот.

Очень тяжело было зимой рубить на льду «ряжи» и опускать их на мель, что тянется к Петербургу от острова Котлин. От зари до зари работали солдаты и крестьяне, согнанные из разных губерний. Не зря эта работа приравнивалась к каторге, люди мёрли... но дело шло. На рукотворном острове соорудили трёхъярусную деревянную крепостную башню, и в мае 1704 года, к началу навигации, на ней был поднят русский флаг. Гарнизон получил приказ: «Содержать сию ситадель с Божьей помощью, аще случится, хотя до последнего человека...» И ещё Пётр говаривал: «В Питербурхе спать будем спокойней».

Однако шведы продолжали тревожить жителей нового города вплоть до 1709 года.

Город нужно было укреплять и расширять. Кроме того, нужны были корабли — военные и торговые, большие и маленькие. Иными словами, необходимой стала верфь, причём не только в Лодейном Поле или в Воронеже, а здесь, на Неве. И опять-таки по прямому указанию царя на левом берегу, наискосок от Крепости, осенью 1704 года было заложено Адмиралтейство. Оно впоследствии много раз перестраивалось, но основная схема оставалась изначальной. Одноэтажные корпуса с мастерскими и складами образовали в плане огромную, широкую букву «П», раскрытую в сторону Невы. Во внутреннем дворе на стапелях строили корабли Балтийского флота, а в центральной части корпуса, параллельно реке, выросла башня, завершённая шпилем, — он перекликался с тремя аналогичными шпилями в Крепости. Так появились первые высотные строения; их

Зимний дворец Петра I.
Гравюра А. Ф. Зубова. 1716—1717 г.

вертикали разнообразили ровную гладь территории. Это Пётр захотел вместо привычных для Москвы куполов завершать шпилями главные сооружения Петербурга.

В 1705 году, после очередной попытки шведов напасть на город, Адмиралтейство, как и Крепость, обнесли земляным валом с бастионами. На бастионы поставили пушки. Теперь в случае необходимости можно было вести перекрёстный огонь. Можно было, но не пришлось, потому что вскоре победы русских отодвинули противника далеко от берегов Невы.

Сначала строили жильё — кто как мог. Неподалёку от Крепости, помимо вельмож, селились пушкарки, ружейники, торговый люд, и улицы получали названия: Пушкарская, Ружейная, Посадская, Дворянская... На другой стороне реки, к югу от Адмиралтейства, рубили деревянные домишки мастеровые-кораблестроители. Их поселения называли морскими слободами. Участок от Невы до речки Мьи (ныне Мойка) именовался Адмиралтейским островом.

В течение первых двух десятилетий рост и развитие Петербурга были теснейшим образом связаны с ходом Северной войны. В 1706 году, когда Карл XII «увяз в Польше», на Берёзовом острове начала свою работу «Канцелярия городских дел», которую возглавил Трезини. Позднее он написал об этом времени: «Первейшая из главных работ — санктпетербургская фортеция, которая застроена каменным зданием». В день рождения Петра, 30 мая 1706 года, торжественно заложили первый каменный бастион, обращённый в сторону Троицкой площади. Вместо земляных возводили гораздо более прочные бастионы и куртины из кирпича. Частично они дошли такими до наших дней, а частично (со стороны Невы) в конце XVIII века были облицованы гранитом — «одеты камнем», как тогда говорили.

Переломным моментом в войне и в судьбе города была Полтавская победа 27 июня 1709 года. В июле этого года Трезини, поздрав-

ляя Петра с «доброй викторией», писал: «Вашим великим счастьем ныне твёрдый камень во основание и крепость Питербурха положен, а я со всем радением рад трудиться против чертежа вашего» («против» — означало «согласно»)...

Следующей весной царь вернулся к берегам Балтики и заливом повёл молодой флот среди едва растаявших льдов к Выборгу. Заняв его после длительной осады, Пётр сказал: «Через взятие сего города Санкт-Петербурху конечное безопасение получено». Летом 1710 года на Неве устроили столь грандиозный фейерверк, что датский посланник писал: «При взятии... крепостей было меньше расстреляно пороха, чем в ознаменование радости по случаю этих побед».

В городе необычайно оживилась и строительная деятельность, Пётр приказал «городовым строением поспешать» и сам показал пример: велел строить первый каменный Зимний дворец на Адмиралтейском острове — на углу набережной Невы и канала, прорытого к Мойке. (Позднее этот небольшой канал назовут Зимней канавкой.) Скромное двухэтажное здание с высоким крыльцом, оформленное узкими пилястрами и фигурными наличниками окон. О том, как оно выглядело, мы знаем лишь на основании старинной гравюры, потому что сам дворец до нас не дошёл. В конце XVIII века на его месте был построен Эрмитажный театр.

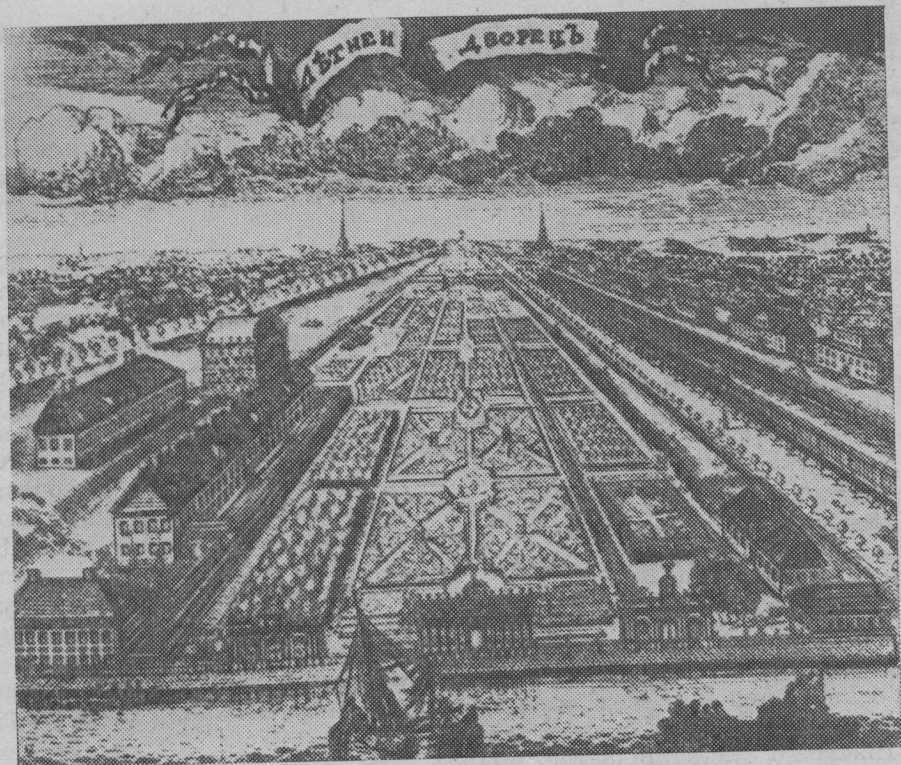
Как и на Берёзовом острове, подле этого царского дома вельможи принялись возводить хоромы, и вскоре набережная приобретает сохранившееся донныне название — Дворцовая.

Выше по течению Невы в большом царском саду, который начали благоустраивать ещё в 1704 году, теперь стали готовить фундамент Летнего дворца, тоже каменного, тоже двухэтажного, но более нарядного, чем Зимний.

Пётр всегда, если была возможность, селился около воды, и Летний дворец поставлен на самом берегу Невы, в том месте, где из неё брал начало безымянный ерик (ерик — проток, вытекающий из реки и в неё же опять впадающий). Эта речка чуть позднее получила название Фонтанка: через неё были перекинуты трубы, по которым вода из Лиговского канала подавалась для питания фонтанов, в большом количестве появившихся в Летнем саду. С третьей, южной, стороны дворца специально вырыли «гаванец» — искусственную прямоугольную бухту, с тем, чтобы Пётр, выйдя из дома, мог спуститься по лестнице к ожидавшей его лодке.

Этот дворец прекрасно сохранился. В нём расположен музей: в нижнем этаже — комнаты Петра; по резной деревянной лестнице можно подняться в комнаты его жены Екатерины. Помещения небольшие и убраны весьма скромно.

Дворец начал строить Трезини, а в окончательной отделке принял участие известный немецкий архитектор и скульптор А. Шлютер, приехавший в Петербург в 1713 году. Прямоугольные барельефы на фасадах между окнами первого и второго этажей в аллегорической форме прославляют победы русских в Северной войне. Скажем, взятая из античной мифологии тема «Персей, спасающий Андромеду» расшифровывалась так: Россия (в образе Персея) освобождает свои исконные земли (Андромеду) от Швеции (страшного морского чудовища). Для образованных людей XVIII века, привычных к аллегориям, символам и эмблемам, не составляло особого труда правильно трактовать подобные художественные произведения, а для неискущённых представлялся случай чему-то научиться.

Летний дворец и Летний сад. Вид с Большой Невы.
Гравюра А. Ф. Зубова. 1716—1717 г.

Летний сад (получивший своё название от дворца) был распланирован по всем правилам западноевропейского искусства: с прямыми дорожками, стриженной зеленью кустов и деревьев, затейливыми узорами цветников и газонов. Кроме того, он постепенно «заселялся» выписанными из Италии мраморными фигурами античных богов и богинь, бюстами императоров и героев.

Интересные сведения о Летнем саде сохранились в рассказах современников.

Пётр говорил садовнику: «Я желал бы, чтобы люди, которые будут гулять здесь, в саду, находили в нём что-нибудь поучительное. Как же бы нам это сделать?» — «Я не знаю, как это иначе сделать, — отвечал садовник, — разве, ваше величество, прикажете разложить по местам книги, прикрывши их от дождя, чтобы гуляющие, сядя, могли их читать». Государь смеялся сему предложению и сказал: «Ты почти угадал; однако читать книги в публичном саду неловко. Моя выдумка лучше. Я думаю поместить здесь изображения Езоповых басен». Тот же современник рассказывает, как выглядели готовые фонтаны. Они были размещены среди зелени, каждый «в небольшом бассейне, обложенном мохом и окаменелыми раковинами, которые доставляемы были из озера Ильменя. Все изображённые животные сделаны были по большей части в натуральной величине из свинцу и позолочены; из каждого бил фонтан... при входе же поставлена свинцовая вызолоченная статуя горбатого Езопа в натуральной величине. Государь, думая, что весьма немногие из прогуливающихся в саду будут знать содержание сих изображений, а ещё менее разуметь их значение, приказал подле каждого фонтана поставить столб

с белой жостью, на которой чётким русским письмом написана была каждая басня с толкованием».

Фонтаны Летнего сада до нас не дошли, они погибли во время страшного наводнения 1777 года. При недавних реставрационных работах под слоем земли и песка были обнаружены их основания. Общая же планировка сада и скульптуры сохранились с петровских времён. Только деревья теперь не стригут, и они образуют великолепные тенистые аллеи.

Первоначально сад подступал вплотную к Неве. Нынешняя набережная искусственно создана во второй половине XVIII столетия. А при Петре гости прибывали на лодках и попадали в сад через рядные деревянные галереи, служившие одновременно пристанями и открытыми приёмными залами, где во время ассамблей накрывались столы со сладостями и другими «заедками».

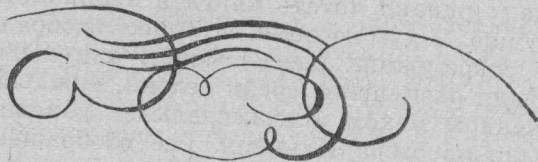
Таким мы видим Летний сад на гравюре, исполненной Алексеем Зубовым в 1717 году. Сад был гораздо больше, чем теперь, расстилался до самого Невского проспекта. Художник подробно изобразил уходящий в глубину геометрически правильно разбитый сад с причудливым рисунком партеров и хозяйственными постройками. На переднем плане видны упомянутые галереи-пристани, а по сторонам — Летний дворец (слева) и царская «мыльня» (справа). Посреди Фонтанки возвышается «водовзводная башня», при помощи «колёсной водяной машины» поднимавшая воду для фонтанов.

Показана также и близлежащая застройка как по берегу реки, так и, в нарушение всех законов перспективы, на запад от Царицына луга (нынешнего Марсова поля).

Невольно напрашивается вопрос, как художник сумел всё это «втиснуть» в один сравнительно небольшой лист? С какой точки умудрился всё сразу увидеть? И приходится признать, что ниоткуда он этого видеть не мог, ведь воздушных шаров человечество тогда ещё не знало, а изображено всё как бы с птичьего полёта. Иными словами, художник передавал не то, что видел, а то, что знал о том или ином предмете. Он знал, как расположены здания, как распланирован сад, где текут реки и каналы, а дальше на помощь могли прийти имевшиеся чертежи и воображение.

И это вполне соответствовало требованию Петра — чтобы каждое произведение изобразительного искусства содержало как можно больше фактической информации. А вкусы царя в те времена являлись для художников всех специальностей и всех рангов путеводной нитью.

(Продолжение следует)

Сергей МАХОТИН

«Про всё прочитать интересно...»

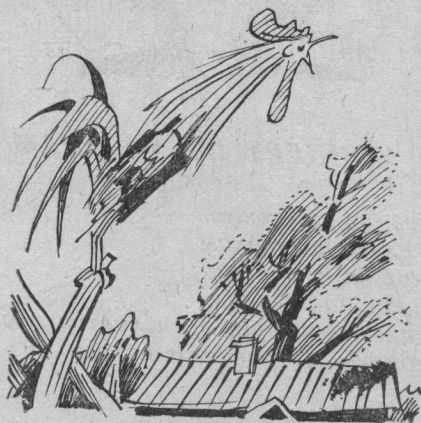
ЭТОТ ДОМ СО СКРИПУЧИМ КРЫЛЬЦОМ

Я не знаю,
За что полюбил этот лес,
Где однажды
На тополь высокий залез
И увидел луга,
Всю деревню и пруд,
Где мальчишки рыбачат
И утки плывут.

Я не знаю,
За что полюбил этот дом
С фотографией деда
За жёлтым стеклом,
Со скрипучим крыльцом
И парным молоком,
С крикуном-петухом
И лохматым щенком.

Ну, в лесу я с лукошком
Лисички искал,
Из пруда на уху
Карасей натаскал,
В доме бабушка,
Тазик снимая с огня,
Земляничным вареньем
Кормила меня.

Только дело не в том,
Что я здесь не тужил.
Я, конечно, в деревне
Отлично пожил,
Просто бабушкин дом,
Старый лес и река
Снятся мне,
А зачем —
Я не знаю пока...

Я СЛОНЯЛСЯ БЕЗ ЦЕЛИ

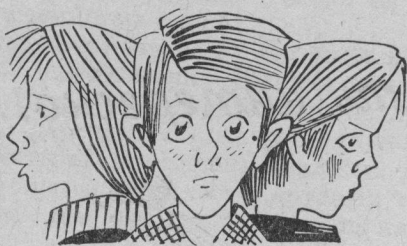
Мне папа сказал: «Не слоняйся без цели!»
Я с папою спорить не стал —
Не видел он, как журавли пролетели
И дождь им вослед проскакал.

Мой занятый папа заметил едва ли,
Как капли в траве шелестят,
Как рыжая кошка скрывает в подвале
Своих неуклюжих котят.

Мне лист тополиный на кепку садился,
И ветер гонялся за мной.
А бедный мой папа с балкона сердился
И звал меня срочно домой.

...И долго потом вспоминал я в постели,
Как весело было слоняться без цели!

КОНЦЕРТ ПО ЗАЯВКАМ

Мы взяли приёмник,
Расселись по лавкам.
Звучит на весь парк
Концерт по заявкам.
Торжественно диктор читает слова:
«Надежде Петровне от пятого „А“...»

Мы ей поздравленья
Полдня сочиняли,
Садилась, бросали
И вновь начинали,
Потом ещё спорили несколько дней,
Какая из песен понравится ей.

И вот исполняются
«Школьные годы»,
А нам вспоминаются
Наши походы,
Промокшие кеды,
Туман на реке
И крепко заваренный чай в котелке.

Воскликнул Сапожников,
Кепку подбросив:
— Надежда нас завтра, наверно, не
спросит?!

Мы все посмотрели на кепку в пыли
И тихо уроки учить побрели.

ПОДПИСЧИК

Встаю раньше всех,
Как заядлый удильщик.
Я стал не простой человек,
А подписчик.
Сегодня,
Во вторник,
Второго числа,
Ко мне
«Пионерская правда»
Пришла!

Про всё прочитать
Интересно в газете:
Пожар потушили
Калужские дети,
Минчане открыли
Военный музей,
Крымчане встречали
Болгарских друзей.

Горжусь я своею
Газетою новой!
Отныне мне ключик
Доверен почтовый!
Он мой насовсем!
Он волнует меня,
Как самые важные
Новости дня!

Рис. Г. Ясинского

— Что туристы уехали — это очень хорошо, — сказал Гоша, когда вернулся с дежурства. — И было бы лучше, если б уехали совсем. Но они затаились в лесу, километрах в двадцати. Их с вертолёта видели.

— Неужели они настоящие грабители? — удивилась Света.

— А кто, по-твоему, залез на чердак школы через окно и пытался проникнуть в музей, когда свет снова погас?

— А может, — Федя начал смущённо, но договорил, — может, Афоня? Бабки же рассказывают, что он раньше часто чудил.

— Бабки? — Гоша даже возмутился. — Ты ещё про лешего скажи или про водяного. Короче, пока те люди не уедут совсем, ожидать можно всякого, и надежда у меня на вас. Фёдор, ты найди велосипеды у тех, кто в Ленинграде на экскурсии, и дай Светлане и Саше... — И Гоша отправился к учителю Ильину разбирать с ним старинные бумаги, которые сохранились от Гаврииловых.

Минут через двадцать Гоша прибежал к Сашиному дому снова.

— Не спишь? Пойдём к Ильину. И Свету зови, там всего наслучалось, сейчас узнаете!

Саша сразу побежал за Светой. Света развешивала по комнате этюды, которые нарисовала за эти дни.

— Не смотри! — испугалась она и прикрыла этюды спиной. — Сейчас рано, а потом сама покажу...

— Благодарю за скорый приход, молодые люди, — приветствовал их учитель Ильин, когда они вошли к нему в дом.

Он усадил всех вокруг обеденного стола, покрытого клетчатой скатертью. Посередине лежали старинные тетради с красивыми бархатными переплётами, с металлическими застёжками, а рядом — длинная тонкая палка с красивым серебряным набалдашником.

— Я позвал вас срочно потому, что Георгий поделился со мной вспыхнувшим у вас интересом к личности Елизаветы Антоновны Гаврииловой, а у нас сегодня две чрезвычайные новости, я бы сказал даже — удачи, радости. — Ильин приподнял длинную тонкую палку с набалдашником. — Новость первая — непонятным образом нашлась указка Елизаветы

Антоновны. Та самая знаменитая указка, которую подарило к её пятидесятилетию общество народных просветителей и которая таинственно исчезла из учительской четырнадцать лет назад.

— Не исчезла, украли её, — вставил Гоша.

— Мы тоже так думали. Эта указка в течение века передавалась каждый год лучшему учителю. И неожиданно исчезла. Сегодня я её обнаружил в учительской за старинными часами под портретом Елизаветы Антоновны.

— Не нравится мне это, — хотя и вежливо, но перебил его Гоша, — кто поверит, что она все четырнадцать лет за часами стояла?

— Не будем гадать. Главное, что наша школа вновь обрела знаменитую указку, о которой поэт прошлого столетия писал: «Её указка указывает нам путь к добрым знаниям и делам». Но я вас призвал в свой дом не только для того, чтобы поделиться этой радостью, а, главным образом, из-за второго неожиданного открытия. — Ильин помолчал, оглядел своих гостей и начал вновь: — Здесь дневники Елизаветы Антоновны, которые она вела, начиная с юных лет. — Ильин показал на тетради в красных бархатных обложках. — За несколько часов до смерти Елизавета Антоновна передала их здешнему священнику. Более ста лет дневники хранились в их семье, и правнук священника, профессор химии, прислал их недавно в наш музей из Москвы. Дневники эти читать трудно. Их надо изучать: многие имена сокращены, другие обозначены инициалами. Порой она по несколько лет не вела записей или, возможно, вела их в других тетрадах.

Ильин раскрыл верхнюю тетрадь и осторожно полистал её, показывая записи. Среди страниц Саша увидел несколько засохших бледных цветков.

— Да-да, они ещё не рассыпались: наши колокольчики и ромашки, которые цвели здесь сто

пятьдесят лет назад, — проговорил Ильин. — Все дневники нам за вечер прочесть невозможно, да и не нужно, здесь слишком много её личного. Но я осмелился скопировать некоторые её записи, они, возможно, касаются интересующей вас темы. Они тоже личные... Как я понимаю, это драма, вернее — трагедия молодой девической любви... Ведь Елизавета Антоновна так и не вышла замуж, хотя, как известно, была весьма привлекательна... Что же я ещё хотел сказать? — Учитель Ильин на секунду задумался. — Ах да, трудно установить даты записей. Елизавета Антоновна почти нигде не ставила года, думаю, для неё это было не важно. — Ильин достал из-под тетрадей несколько свежих, исписанных мелким почерком листов бумаги и без предупреждения, сразу принялся читать:

«Бесценный друг мой, милый бесценный друг!

Утром папенька объявил, что послал тебя с важным поручением. Куда и зачем — сказать отказался.

Как немного надо, чтобы ощутить своё одиночество. Ты уехал — и одна перед всем миром».

— А вот другая запись. Она идёт вскоре после прочитанной:

«Сегодня прояснилось. Случайный, но добрый человек доставил тайную записку. Записка истёрта и, очевидно, прошла через многие руки. Вот она:

«Любезная Елизавета Антоновна!

Не знаю, дойдёт ли до Вас сия записка, потому пишу коротко.

По велению папеньки Вашего, высокочтимого Антона Андреевича, меня, вопреки моему желанию, насильно увозят, а куда — и сказать не могу.

Остаюсь всепокорным слугой Вашим и другом по гроб моей жизни.

Афанасий».

Знал бы Он, написавший те строки, как много раз я целовала этот клочок бумаги.

Вечером я решительно подступила к папёнке, но он отказался разговаривать со мною на тему об «А». «Ты должна благодарить господа за моё радикальное решение. Я советую забыть это имя навсегда», — вот его последние слова.

А мне это имя дороже всей жизни. Я, зная бы, куда, в какую сторону увезён он насильно, бросилась бы, догнала, отбила бы и спасла его из коварных рук. Я так и решила сначала. Но мысль о том, что если уеду, то потеряю единственную возможную нить, остановила меня.

Неужели мне осталось в этой жизни лишь смотреть на мои портреты, писанные твоею рукой!»

Учитель Ильин откинулся на спинку стула и замолчал. Все продолжали смотреть на него.

— Как видите, она сообщила нам имя художника: Афанасий. А нам известно, что художник этот писал её портреты.

— Тот самый Афоня, о котором сказки?

— Вот именно, что сказки, — усмехнулся Гоша. — Глупость всё это, небывицы.

— Видите ли, наша семья живёт в этой деревне больше ста лет. Мой прадед, ещё будучи молодым человеком, был приглашён Елизаветой Антоновной в её школу учителем. Можно сказать, почти все здешние жители — наши ученики. От него сведений об Афоне не осталось, хотя прадед многократно беседовал с Елизаветой Антоновной в доверительных обстоятельствах. — Учитель Ильин осторожно потрогал дневники. — Зато при деде появилось около двадцати вариантов легенды об Афоне. И почти каждая семья в деревне уверяла, что Афоня — именно их родственник. Но при этом каждая легенда объясняет по-своему его исчезновение.

— Суеверие всё это! Настоящее суеверие! — снова вмешался

Гоша. — Как было в прошлом веке? Поймали урядника, отлупили — на Афоню свалили, сказали, будто он тут в лесу бродит. А в наши дни: угнали трактор, бросили среди поля, говорят — Афоня угнал. Ну как не совестно! — Гоша даже вскочил, потом сел снова.

— Но здесь же написано: «Афанасий», — тихо сказала Света.

— И это имя будет встречаться в дневнике не раз, — заговорил вновь учитель Ильин. — Судя по записям, Елизавета Антоновна с душевной болью переживала разлуку. Новых сведений долгое время она не имела. Тогда и занялась народным просвещением. Здесь есть много интересных мыслей на эту важную тему, много ценных наблюдений. Но вот новая запись:

«Бог мой, прошло уже десять лет! Я постарела, подурнела, и вот нечаянно, внезапно весть, так долго ожидаемая от Него!

«Любезная Елизавета Антоновна!

Не знаю, помните ли Вы всепокорного слугу Вашего. Могу лишь сказать, что облик Ваш перед взором моим — всегда.

Какая по счёту эта попытка передать Вам весть — и не сосчитать.

За годы эти я так и не узнал точное место своего жительства, вернее — тюрьмы моей. Могу лишь догадываться по изменениям в природе, что я содержусь в южной части Франции. В моей комнате-камере меня хорошо содержат, даже подают к обеду красное вино! Всегда в распоряжении моём холсты, хорошие кисти и краски. Моя комната, камера, келья находится в замке высоко над пропастью. И никого, кроме немого слуги или человека, притворяющегося немым, я не видел. А выше меня — лишь птицы в небе. В камере я свободен — могу броситься головою в пропасть, могу не делать ничего вовсе. Я пишу портреты Ваши, портрет за портретом,

и лишь это занятие удерживает меня от безумия.

Иногда, когда далеко внизу на узкой горной тропе я вижу фигурки людей, то пытаюсь добросить до них адресованные Вам послания, привязанные к ложке или кисти.

Писать ли Вам о горечи, о боли, о тоске моей безысходной, которая пронизывает всё моё существование!

И дойдёт ли хотя бы одно послание до Вас? А дойдя до Вас, сумеет ли оно найти дорогу к Вашему сердцу?»

— Последующих сведений о судьбе этого человека я в дневнике не нашёл. Хотя, повторяю, это, возможно, не все дневники. — Учитель Ильин говорил тихо, хрипловато. — Как пишут учёные, давайте реконструируем события, — предложил он. — Что мы узнали: что был человек по имени Афанасий, вероятно, крепостной князей Гаврииловых, иначе князь не смог бы так легко распорядиться его судьбой. Этот человек рисовал портреты молодой дочери князя, Елизаветы Антоновны, а затем за какую-то провинность был насильно увезён в тюрьму или замок, видимо, в другую страну.

— Ясно, за какую провинность, — вставил Гоша. — Полюбил он Елизавету Антоновну, и она его тоже полюбила. А князь это за позор посчитал.

— Так он же был художником! — сказала Света.

— В прошлые времена к профессиональным художникам и музыкантам относились как к слугам, — объяснил знаток истории Саша, — к тому же Афанасий был крепостным.

— Правильно, мальчик, — подтвердил учитель Ильин. — А предположение Георгия подтверждает и загадочная фраза в завещании Елизаветы Антоновны. Эта запись в завещании была непонятна многие годы, а сейчас смысл её становится ясным.

«Я надеюсь, что близкий мне человек ещё жив, и при разыскании его прошу ему сообщить о моей смерти. Если же отыщется всего лишь могила его, прошу горсть земли с неё смешать с землёю на моей могиле».

— Эти слова она продиктовала священнику в присутствии моего прадеда. По завещанию все крестьяне деревни Гаврилово получали вольную, княжеский дом навсегда становился школой, ста-

ринная библиотека тоже становилась собственностью школы.

— Больше о том человеке, об Афанасии, ни слова?— спросил Гоша.

— Ни слова. А легенды вы знаете сами. По некоторым — его отдали в солдаты, по другим — он стал разбойником, по третьим — наоборот, разбойники замучили его, по четвёртым — он до сих пор бродит вокруг деревни.

Саша снова лежал на сеновале и смотрел в окошко на одинокую звезду. Он думал об Афанасии. А потом вдруг неожиданно вспомнил про заметку в журнале, которую читал несколько дней назад в поезде. Там же было написано про замок и про находку картин или портретов неизвестного художника.

Он даже вскочил. Ему захотелось немедленно бежать на почту, чтобы послать новую телеграмму Николаю Павловичу!.. И всё-таки телеграмму Саша решил послать утром, чтобы не будить человека.

«Николай Павлович каком журнале недавно напечатана статья об удивительной находке на чердаке итальянской виллы картин русского художника очень важно Саша».

В стену неожиданно что-то ударило. «Птицы, наверно», — подумал Саша, но услышал приглушённый голос Фёдора:

— Саша! Сашка! Приехали!

Саша быстро оделся. Федя стоял в огороде со стороны реки.

— Они заехали в кусты у Протоки. Я — звонить, а ты посмотри, что будут делать.

Саша прошёл вниз по тёмной улице, ощупью пробрался почти вплотную к машине, залез в густой куст совсем рядом.

В машине были открыты окна, и разговор был хорошо слышен.

— Он точно уехал, ты проследила?— спросил мужской голос.

— Сколько можно повторять? Конечно, проследила.

В это время кто-то прошёл у самых Сашиных ног и остановился.

— Ну как?— спросили его.

— Можно,— ответил он.

Это был голос Рыжебородого. Но когда в кабине загорелся свет и Саша увидел его лицо, он поразился. Лицо было незнакомым: без бороды, без усов, а на голове вместо рыжих — густые чёрные кудри. Но голос-то был Рыжебородого!

— Он тебя с шоссе не заметил?— спросил «Рыжебородый».

— Стала бы я ему показываться!— ответила девица. Её-то Саша сразу узнал, она была прежняя.

«Рыжебородый» держал в руках свёрток. Вместе с этим свёртком он сел в машину, дверь громко хлопнула, и снова стало темно.

— Мы тебе кофе оставили,— сказала девица.

«Ещё и кофе распивают!— подумал Саша.— Как же их задержать?»

Пока внутри о чём-то договаривались, он подполз к машине, набрал в горсть влажной земли и, лёжа на спине, стал забивать трубу глушителя землёй. Спину колол острый сучок, от напряжения заболела шея, но он забивал и забивал сырую жирную землю внутрь трубы. И лишь когда закончил, подумал о том, что машина в любую секунду может тронуться и задними колёсами на него наехать.

Он отполз в сторону и снова лёг за кустом.

Прошло ещё немного времени, люди внутри машины завели двигатель, включили ближний свет, и машина медленно тронулась.

Саша бежал, продираясь через кусты, на холм, к домам. Навстречу ему мчался Федя, крутя велосипедные педали и включив фару.

— Снова в музей залазили!— сказал он.— Хватай велосипед, мы им сейчас наперез.

— Я выхлопную трубу забил. Откуда-то со стороны появилась Света, тоже на велосипеде.

— Он им глушитель забил, может быть, остановятся!— сказал ей Федя.

Втроём поехали они по неширокой утоптанной тропе, освещая её фарами.

— Сейчас обгоним!— говорил Федя.— Дорога петляет, а тропа прямая. Ещё метров двести через лес, и всё.

Из леса они выскочили прямо к дороге и далеко впереди увидели яркий свет.

— Едут!— зло сказал Федя.— Тащи деревья поперёк.

Ребята выволокли поперёк шоссе сначала одно, потом второе, третье дерево... Но машина вдруг остановилась, не доехав до завала. Потом дёрнулась и остановилась опять.

— Твой глушитель подействовал!— обрадовался Федя.

Тут с противоположной стороны показался новый огонёк. Сначала он мигнул вдалеке и скрылся, потом стал приближаться и светить всё ярче. Это на своём милицейском мотоцикле спешил Гоша.

— Бежим к машине, чтобы чего не спрятали!— скомандовал Фёдор.

У машины с открытым капотом двое людей копошились в двигателе. Гошин мотоцикл осветил их ярко, потом фара погасла— это Гоша остановился перед поваленными деревьями. Потом Гоша перескочил через деревья, спокойно пошёл на машину, приблизился почти вплотную и, включив длинный фонарь, сказал командирским голосом:

— Всем стоять! Руки вверх! Инспектор Гаврилов!

Двое у раскрытого капота растерянно подняли руки.

— Ребята, ко мне!— скомандовал Гоша, не поворачивая головы.

— А ведь это Георгий!— сказал вдруг тот, что был прежде

Рыжебородым.— Георгий, а я тебя узнал!

— Молчать!— скомандовал Гоша.— Выяснением личностей займусь позже.— И вдруг спросил неуверенно:— Антоха, что ли?

— Я!— обрадовался бывший Рыжебородый.— Узнал? Я всё думал, неужели никто не узнает? А это брат жены моей, а жена в машине. Чего-то у нас тут двигатель глохнет.

— Отойти от машины, ключи бросить детям!— снова посуровел Гоша.— Что делали в деревне, зачем лазали в музей?

— Ты ему скажи, чтоб он свой наган убрал,— заговорил второй, в цветастой рубашке,— мы же не воры.

— Гош! Ты не волнуйся, расскажем, если поклянётесь хранить тайну,— крикнул бывший Рыжебородый и тоже опустил руки.

— Ладно,— и Гоша убрал пистолет в карман.— Рассказывайте, зачем лазали в музей? Там всё цело?

— Да цело, цело, не волнуйся. Даже кой-что прибавилось!

Милиционер Гоша вынул из тонкого кожаного планшета чистый лист бумаги и стал записывать показания бывшего Рыжебородого.

ПОКАЗАНИЯ

Я, Антон Гаврилов, в присутствии инспектора милиции Георгия Гаврилова, жены своей Натальи Гавриловой, её брата Петра Верёвкина и трёх несовершеннолетних: Светланы, Фёдора и Александра Гавриловых, заявляю, что приезжал в деревню Гаврилово на автомобиле «Жигули» без злого умысла. В этой деревне я родился, рос и учился до двенадцати лет. Обучаясь в третьем классе Гавриловской школы и находясь в глупом возрасте, я взял поиграть знаменитую указку Елизаветы Антоновны, а когда её хватились, то я испугался вернуть её на место, потому что подумали бы на меня, что я вор. А ещё, обучаясь во вто-

ром классе той же школы и находясь в ещё более глупом возрасте, я испортил картину на стене своей подписью «Антоха Г.».

Проживая с двенадцати лет в столице нашей родины Москве и постоянно стыдя себя за поступки, совершённые в раннем глупом возрасте, я однажды поклялся исправить всё содеянное. С этой целью я обучался в художественном училище, дабы уметь смывать надписи на картинах, а также занимался альпинизмом, дабы лазать по крышам.

Купив бороду рыжего цвета и такой же парик, я прибыл в деревню из столицы нашей родины города Москвы и неузнанным прокрался в учительскую школы с целью положить на место знаменитую указку Елизаветы Антоновны, но едва не был застигнут на месте действия милицейским инспектором Георгием Гавриловым, бывшим моим одноклассником. С целью смывания глупой надписи на старинной картине я влез в музей вторично, и теперь картина сама по себе, а подписи нет».

— Вы тот самый «Антоха Гэ», который надписал в музее портрет? — удивилась Света.

— Ну, я, — смущённо согласился «Рыжебородый».

— И для того вы прикидывались рыболовами? — сурово спросил Гоша, сворачивая лист с показаниями. — Могли бы хоть мне довериться. — И Гоша переложил пистолет из кармана в кобуру.

— А позор? Вся деревня узнала бы, что указка была у меня.

— Вы Антоху не выдавайте, — попросил цветастый.

Потом все вместе растащили деревья с шоссе, и «Жигули» двинулись в свой путь.

— Главное, что они честные, — говорил Гоша, перетаскивая мотоцикл через заросшую канаву, чтобы вместе с велосипедистами ехать по утоптанной неширокой тропе. — Я ведь всё время смотрел на них и думал, что же в них необычное? Но разве мог догадаться, что это — замаскированный Антоха!

Утром Сашу разбудила Евдокия Егоровна. Она приехала с ранним фургоном и два часа ходила по своему дому бесшумно, стараясь не тревожить племянника, но в это время с почты принесли две телеграммы.

«От Николая Павловича!» — радовался Саша, когда расписывался за них огрызком карандаша.

*«Встречаемся восьмого вокзал
шестьдесят тридцать касса
Леонов».*

— Дай-ка мне,— забеспокоилась Евдокия Егоровна, прочитала и сразу всё поняла.— Твой провожатый, назад тебя повезёт.

И так не захотелось Саше уезжать... Он развернул вторую телеграмму:

*«Читай майский «Огонёк».
Помни Крым».*

— Шутки с тобой кто-то шутит?— удивилась Евдокия Егоровна.

Зато Саша понял эту телеграмму сразу.

— Где бы «Огонёк» найти?

— В школе имеется. Туда почтальон возит.

Когда Саша пришёл к учителю Ильину, тот работал на огороде.

— А-а! Доброе утро!— повернулся учитель к нему.— Весьма наслышан о таинственной вашей ночной поездке. Смею думать, что она связана с нашим музеем.

Саша не стал ему рассказывать об Антохе Гэ, а показал телеграмму.

— «Огонёк» в школе есть. Вы думаете, там что-то важное?

— Очень важное,— подтвердил Саша,— раз пришла телеграмма, значит, надо читать журнал.

На холме у белого здания с колокольней Саша увидел Свету. Света писала очередной этюд. Саша помахал ей, чтобы она спустилась к ним, так что к школе они пришли втроём.

Ильин открыл учительскую — просторную комнату с высоким деревянным потолком. На стене они увидели большой портрет Елизаветы Антоновны.

— В Русском музее почти такой же!— удивилась Света.— И те же платье и причёска! Это же моя любимая картина, помнишь?— повернулась она к Саше.

— Вот как?— смущённо проговорил учитель Ильин.— Надо сказать, что в Русском музее я был не раз, но подробно чтобы изучать каждый зал,— не приходи-

лось.— Он порылся в стопе газет, журналов и вытащил «Огонёк».

— Видимо, вас интересует как раз этот номер? Осторожно! Это памятное кресло — в нём любила сидеть Елизавета Антоновна!

Журнал сам открылся на нужной странице. «Удивительная находка» — так называлась небольшая статья.

*«Несколько месяцев назад при
продаже итальянской виллы Сан-
Паоло, напоминающей средневеко-
вый замок и долгое время принад-
лежавшей семейству Прудолинни,
в чердачном помещении было об-
наружено свыше двадцати шедев-
ров живописи. Особенно интерес-
но то, что неизвестный мастер, как
считают специалисты, близкий к
русской живописной школе, изо-
бразил одно и то же лицо молодой
женщины при разном освещении.
Картины хорошо сохранились.
Изображённое лицо дышит обаяни-
ем, глаза отражают внутренний
свет души. Картины после изуче-
ния специалистами будут переда-
ны в знаменитый музей города
Флоренции „Уффици“».*

А с небольшой цветной фотографии, напечатанной в журнале рядом со статьёй, смотрело лицо Елизаветы Антоновны Гавриловой. И ни с чьим другим задумчивое это лицо, полное тайной печали, нельзя было спутать.

— Мне кажется, мы с вами обнаружили непознанную страницу в истории нашего искусства,— сказал учитель Ильин и от волнения сел в памятное старинное кресло, которое так любила Елизавета Антоновна.

Через час в парке за школой собрались деревенские жители. Кто их позвал сюда — неизвестно. Скорее всего, сами пришли, узнав необычную новость.

Учитель Ильин говорил, волнуясь, заикаясь и кашляя:

— Здесь захоронена Елизавета Антоновна. Она просила похо-

ронить её в парке за школой, и наши деды выполнили её волю. А вот и могила её отца, князя Антона Гавриилова. Его воля была нарушена. В последний день жизни, как многим казалось — в бреду, он плакал, порывался уехать в Италию, кого-то освобождать, проклинал себя и умолял, чтобы после похорон могилу его сровняли с землёй. Теперь мы с вами можем догадываться о причине столь странного желания.

Саша ощутил в сердце волнение, хотя для него слова старого учителя не были внезапной новостью.

— Друзья мои, дорогие ученики! — продолжал Ильин. — Все вы в своём детстве узнавали семейные сказки об Афоне-художнике. С этого часа я объявляю, что наши деревенские легенды, которым не всегда и верили, — подтвердились! Картины Афанасия Гаврилова скоро узнает весь мир!

— А я что говорила, — повернулась вдруг ко всем Евдокия Егоровна, — не зря сложено: «Кому Афоня приснится, в том талант разгорится!»

— Тебе снился? — тихо спросила Света Сашу.

— Снился, — так же тихо ответил Саша. — А тебе?

— И мне.

— Да он в деревне каждому снится! — засмеялись все.

— Раз снится, значит, не зря! — И Евдокия Егоровна повернулась к учителю. — Правда?

Учитель Ильин лишь радостно развёл руками.

— А я завтра уезжаю, — сказал Саша, когда они остались на деревенской улице одни.

— Почему? — спросила Света растерянно.

— Пора, надо к поездке готовиться.

— Я думал, ты останешься, — сказал Федя. — Скоро ягоды пойдут, я бы места показал...

— Мне в Крым надо, — отве-

тил Саша. Он впервые произнёс эти слова с сожалением.

Ночью Саша в последний раз глядел на одинокую звезду.

Рано утром он не решился идти к Свете, думал, вдруг она спит, но Света неожиданно пришла сама. В руках у неё было что-то квадратное, завернутое в газеты и перевязанное тесьмой.

— Мой этюд. Только сейчас не разворачивай, — попросила она.

Потом выбежал из своего дома Федя. Он нёс пакет.

— Самые свежие яички. В городе таких нет. На память о нашей еде.

А в тот момент, когда Саша стал усаживаться в мотоциклетную коляску, на улицу вышли деревенские, все, кто в этот час был дома.

Едва выехали на шоссе, Саша не удержался и развернул Светин подарок. На толстом картоне был нарисован дом с петухом над крышей. За домом на огороде Саша увидел самого себя — маленькую фигурку с тяпкой в руках.

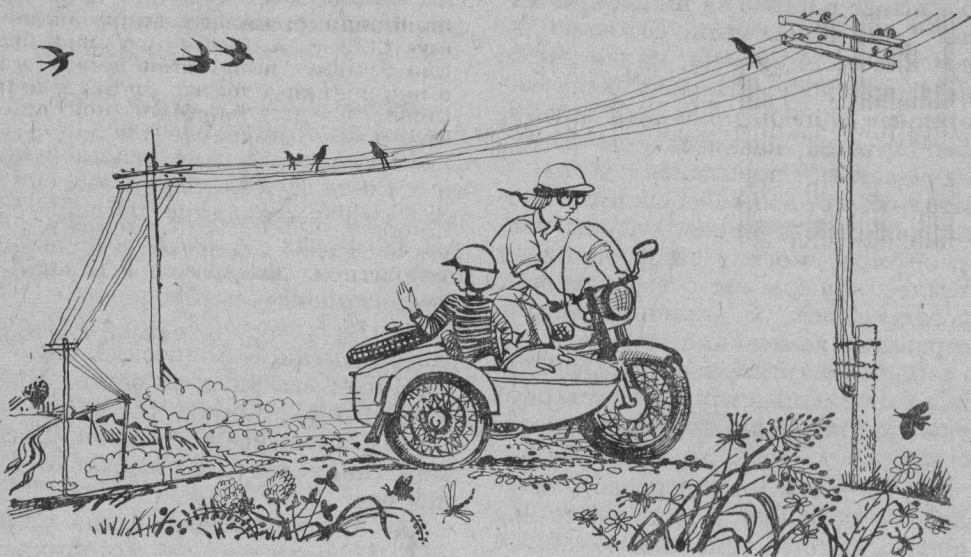
— Смотри, как здорово нарисовала! — похвалил Михаил, взглянув на картину. — И дом наш, и огород.

У них были свободные полчаса, и они заехали в милицию, где дежурил Гоша. Он сидел за столом, писал что-то в толстую большую тетрадь и не догадывался о новостях.

— Никак уезжать собрался? — сообразил Гоша, рассмотрев внимательным взглядом Сашу. — А кто тайны об Афоне станет раскрывать? Не по-гавриловски это.

И тогда Саша развернул перед ним «Огонёк», который специально для этого случая разрешил взять учитель Ильин.

В Ленинграде на Московском вокзале Сашу встретил Николай Павлович. Город показался Саше необычным, словно все дома слегка переменились, передвинулись.

— Есть новости о твоём князе, — сразу заговорил Николай Павлович. — Я узнал, что он дружил с богатейшим итальянским семейством Прудолинни. Именно в их замке и нашлись картины неизвестного художника.

— Художник теперь известен, — ответил Саша, — я — его родственник. — И Саша рассказал историю Афанасия Гаврилова.

В сентябре, после возвращения из Крыма Саша увидел в почтовом ящике приглашение на выставку работ юных художников. Оно было напечатано на красивой плотной бумаге. В списке участников первой шла Света. «Из села Гаврилова» — так значились её работы.

А в октябре того же года произошли события, о которых написали газеты, сообщило радио. Делегация советских художников и музейных работников посетила в Италии виллу Сан-Паоло недалеко

от Флоренции. Там они разыскали скромную могилу, над которой на почерневшем кресте неумелой рукой были выведены уже поблёкшие русские буквы: «Афанаси Гаврилоф».

Советские делегаты положили к могиле цветы, а горсть земли, тщательно упаковав, привезли в Россию, в Новгородскую область, в деревню Гаврилово. Так было выполнено завещание Елизаветы Антоновны Гавриловой.

В те же дни во Флоренции, в знаменитой картинной галерее «Уффици» открылась выставка работ русского художника. Посетители узнавали о трагической его жизни, а с картин смотрели на них полные тайной печали глаза молодой девушки.

Говорили, что картины эти вернутся на родину художника, а что настоящую их историю открыли сельский учитель, деревенский милиционер и несколько школьников.

Разговор с председателем президиума Ленинградского научного центра Академии наук СССР И. А. Глебовым о твоём будущем начался с напоминания прежде всего о том, что нужно хорошо учиться в школе. Стоило ли для выяснения этой истины встречаться с академиком! Те, кто прочёл запись беседы, могли убедиться: стоило. Оказалось, что для освоения основных рабочих профессий понадобятся глубокие школьные знания. Что уж и говорить о тех, кто метит в вуз и своё участие в производстве видит в инженерной деятельности! Но и о них говорим мы с академиком Глебовым.

Запись беседы и репортажи — журналиста В. Ковичева.

«УЧИТЕСЬ ПОЗНАВАТЬ И УДИВЛЯТЬСЯ»

Беседа с академиком И. А. Глебовым

ИДТИ ЛИ В ИНЖЕНЕРЫ?

И. А. Глебов: Пожалуй, ни одна профессия не вызывала в последнее десятилетие столько споров и дискуссий, как профессия инженера. Если вкратце сформулировать их суть, то она уложится в три слова: «Так больше нельзя!..»

Может быть, я коснулся слишком взрослых проблем?

Корреспондент: Какие проблемы могут быть слишком взрослыми в разговоре о будущем? К тому же наши читатели с этими проблемами как раз знакомы: у многих из них родители — инженеры. А уж близкие родственники инженеры есть наверняка в каждой семье.

И. А. Глебов: Это правда, профессия стала очень массовой... слишком массовой. И не столь престижной, как раньше. Да и суть её изменилась.

Корреспондент: Тут, наверное, надо объяснить нашим читателям, что такое инженер для производства.

Инженерный корпус — мозг промышленности. Чтобы вещь сделать, её надо придумать, и ещё придумать, как её сделать, и организовать производство, чтоб делалась вещь так, а не иначе. Всем этим занимается инженер.

Многomesячные космические рейды приносят славу стране и героям-космонавтам, но торжество советской космической техники — это прежде всего заслуга инженеров. Инженерами были изобретатель парового двигателя Джеймс Уатт и создатель космических ракет Сергей Королёв. Но и моя соседка по дому Марья Петровна, которая тридцать лет переписывает сводки и собираёт визы на чертежах, — тоже инженер, поскольку тридцать лет назад она окончила технический вуз. И дел у Марьи Петровны на её инженерном месте всегда полно, и таких инженеров, как она, много. И, случись, придёт к ним молодой инженер с задатками, скажем, Королёва — на что будут ориентировать его Марья Петровна и её коллеги? Да на то же, чем сами занимаются, — бумажки перебирать. На проявление у него аккуратности, но не таланта. Однако с такими инженерами ускорения научно-технического прогресса не достичь.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 9.

И. А. Глебов: Да, это острейшая проблема нашей экономики. И сетования на то, что инженерный труд утрачивает творческий характер, становится всё более «бумажным», — справедливы. Тому есть много причин. Одна из них совершенно объективная и закономерная: современному инженеру-проектировщику приходится «переваривать» такое количество информации, что ему действительно не хватает ни сил, ни времени на творчество.

Как выглядит традиционное рабочее место проектировщика?..

Корреспондент: Ну, кульман, стол, телефон...

И. А. Глебов: Да, но главное — справочники с ГОСТами и нормативами. Горы, целые стены справочников.

Корреспондент: Зачем столько?

И. А. Глебов: Чтобы, как говорят, не изобретать каждый раз велосипед. Сколько деталей, узлов, материалов требуется для создания новой машины, нового прибора! И

не станешь ведь каждый раз мудрить над каждой деталью заново, проектировать узел, изучать свойства материала. Всё это есть в справочниках — надо только отыскать нужный том, нужную страницу. И ещё надо знать, что выпускается промышленностью, какие существуют технологические нормы и требования для каждого вида продукции, какие приняты ограничения, допуски... Всего не упомянуть. Так что без справочников не обойтись, без них — ни на шаг.

Корреспондент: Это всё равно, как если бы нашему читателю пришлось всегда готовить домашние задания, пользуясь учебниками за все школьные годы по всем предметам? Да, тогда действительно в книгах зароешься. Пока с ними разберёшься, до учения руки не дойдут.

И. А. Глебов: Примерно так. Только проектировщику ещё труднее. Если воспользоваться вашей аналогией, у него по книге (в несколько раз объёмнее школьного учебника) не на каждый предмет, а

Репортаж пять Голово- ломка для ГАПа

Купил сыну головоломку — несколько геометрических фигур следовало уложить в квадратное поле. Сам мудрил-мудрил — с задачей не справился, бросил. У сына времени больше, несколько дней он не расставался с новой игрушкой — освоил, уложил. Показал мне — я не запомнил. Сложно. А когда опять взялся выкладывать сам — снова не получилось. Слишком много вариантов надо перебрать.

Этот урок вспомнился, когда я увидел, сколько разных по форме деталей

корпуса судна надо вырезать судостроителям из толстенных стальных листов. Головоломка!

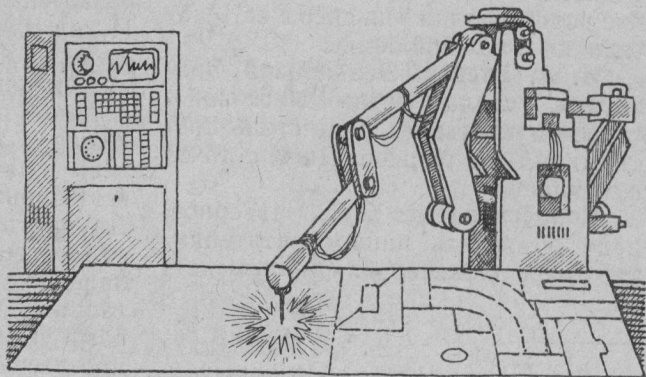
Но при мне её легко решил молодой инженер на судостроительном заводе имени А. А. Жданова. Многометровый стальной лист занимал всё пространство участка. Инженер к нему и подходить не стал, сел к пульту ЭВМ и принялся беседовать с машиной. Через несколько минут на экране дисплея возникли

очертания одной детали, потом другой, третьей... пятой... Без помарок, плотно, как в квадрате головоломки, заняли они всё пространство экрана.

— Видите, — пояснил он, — без зазоров. Значит, и потерь металла не будет. Машина выбрала самый оптимальный вариант.

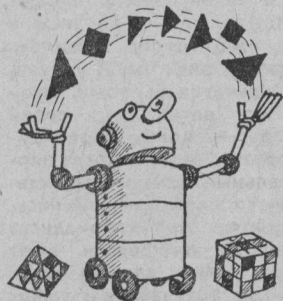
— Да, такой чертёж хоть на выставку, — согласился я.

— Зачем! — удивился инженер. И я подумал, что

он просто скромничает. — Не будет чертежа, — продолжал он. — Сейчас я сообщу машине данные о стали — она выберет технологический режим резки. Я дам команду — и робот раскроит лист по этому рисунку. А другие роботы обрабатывают детали, отвезут на оперативный склад, уложат. У вас есть полчаса!

У меня было. Не мог же я отказать себе в удовольствии посмотреть в работе модуль гибкого автоматизированного производства — ГАПа.

Репортаж шестой Диктант на Дисплее

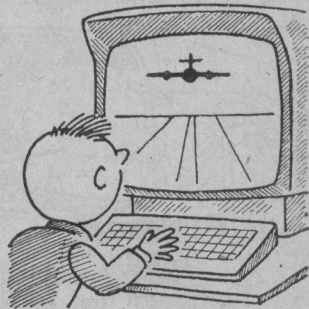
Миша посадил самолёт точно, а у Вовы — авария. Надо было вовремя отреагировать на команду, а он отвлёкся, как часто бывает с ним на уроках, потом задал слишком резкое снижение — и впоролся в землю. Ошибка для третьеклассника, в общем, простительная, но он расплакался и ушёл из дисплейного класса.

Такие потрясения — довольно распространённые в 30-й школе Василеостровского района. Основы информатики и вычислительной техники здесь проходят

со второго класса. На переменах, после уроков очереди не к столу для пинг-понга, а к дисплею. Любимые игры — здесь. И дело — тоже здесь.

А девятиклассники на уроках производительного труда занимаются технической диагностикой и тестированием элементов микропроцессорной техники. Проверенные и отремонтированные ими детали идут на сборку приборов в объединении «Завод имени М. И. Калинина».

На уроках тригонометрии

на каждый раздел, каждую тему, да не за десять школьных лет, а за несколько десятилетий! Сведения в справочниках накапливаются многими десятилетиями, постоянно обновляются, пополняются новыми. Так что — хочешь не хочешь — держи их всегда все под рукой. Вот и представьте, сколько лет тратит инженер только на то, чтобы заучить где что искать. Зачастую и судят о нём как о специалисте лишь по умению ориентироваться в необозримом бумажном море.

Корреспондент: Но раз не обойтись без справочников — получается, и выхода никакого нет?

И. А. Глебов: Почему? Есть. Вычислительная техника. Новому проектировщику не придётся тратить время на скучную науку перелистывания страниц. Вся информация, заключённая в справочниках, уместится в памяти ЭВМ, а извлечь необходимую — минутное дело.

Много времени уходит у проектировщиков на выполнение длительных расчётов, громоздких чертежей. Но современные ЭВМ по-

зволяют избавиться и от этого. Расчёт по заданной программе произведёт машина, и чертёж проектировщик выполнит на экране дисплея, ведя диалог с машиной.

Корреспондент: Ну, это ещё когда будет!

И. А. Глебов: Это уже есть. А ко времени, когда ваши читатели окончат институты, рабочие места проектировщиков будут оснащены такой техникой повсеместно. Уже программой «Интенсификация-90» намечено вдвое увеличить выпуск систем автоматизированного проектирования (САПРов).

Корреспондент: Если инженеру не нужно будет искать информацию, не нужно будет ни считать, ни чертить, то что же ему останется делать?

И. А. Глебов: Думать! Выдвигать идеи! Творить! А это и есть его основное предназначение на земле. Когда современная техника освободит инженера от рутинного, механического труда, он будет заниматься своим главным делом. По этому труду будут его оце-

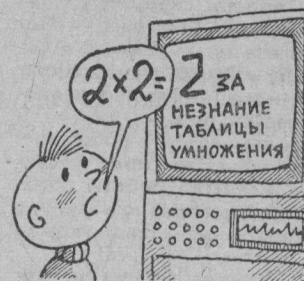
рии рисуют фигуры и рассчитывают функции не в тетрадках, а на экранах дисплея. В общении с машиной ставят опыты по химии. Там же, в дисплейном классе, ведут разбор сложноподчинённых предложений. Из памяти ЭВМ извлекают сведения по истории.

Такая школа — первая в районе. Таких должно быть больше.

Писать диктант под диктовку ЭВМ, конечно, интереснее. Но суть не в этом. Машина не только запомнит твои ошибки, но и проанализирует их, чтобы подска-

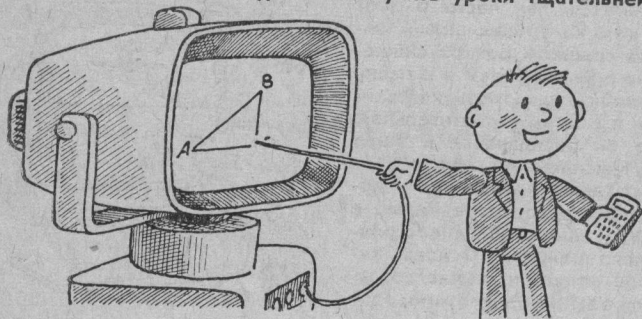
зать, какой именно пробел в знаниях следует восполнить в первую очередь.

Отвечать у дисплея, конечно, интереснее, чем у доски. Но смысл не в этом. В обычной школе, если тебя к доске не вызвали, значит, либо грозу пронесло, либо хорошо выученный урок останется неоценённым. А в дисплейном классе — другое дело. Отвечают все, оценку машина выставит всем, кстати, независимо от настроения учителя и ваших с ним личных отношений. И разве не придётся учить уроки тщательней,

если тебе нужно отвечать на каждом уроке!

Лично я хочу сказать откровенно: я хотел бы учиться в такой школе. Может быть, то, чего я не знаю и без чего трудно пришлось в жизни, знал бы. И уж точно, научился бы тому, чему не мог научиться в своей школе, — умению программировать. Теперь, когда персональный компьютер становится необходимым инструментом для специалиста в любой профессии, без этого умения так же трудно, как без таблицы умножения.

живать. Так что специалистам по перебиранию бумажек и составлению сводок вряд ли найдётся место среди инженеров будущего. Пусть нашим предупреждением воспользуются те, кто собрался поступать в технические вузы.

Корреспондент: Знаете, Игорь Алексеевич, ваш собеседник в своё время не пошёл в технический вуз (хотя мама настаивала), потому что очень не любил сложные расчёты да и чертить толком не умел. А теперь, выходит, можно стать инженером и без всего этого? Зря маму послушался!

И. А. Глебов: Да нет, не зря. Не надо питать иллюзий, что ЭВМ в состоянии переложить на себя весь труд специалиста. Она выполняет лишь те задачи, которые в неё заложены. И в общении с ней лишь тот достигает успехов, кто уже проиграл весь мыслительный процесс электронного мозга у себя в голове. Инженеру надо будет задавать направление поисков, цель, знать, в каком направлении, каким образом поведёт машина поиск, и, сообразуясь

с этим, задавать программу. Сама машина никогда ничего не придумает. Она лишь механизм для расчётов, но в этом отношении незаменима.

Корреспондент: А-а...

И. А. Глебов: Не стоит разочаровываться. Пытливому уму ЭВМ предоставляет неограниченные возможности. Раньше исследователь разрабатывал единственный вариант — на другие просто не хватало времени. Теперь с помощью ЭВМ можно проверить множество гипотез и почти безошибочно выбрать лучшие среди многих. Однако, повторю, сама машина за него искать, стараться не будет.

Вообще вашим читателям можно только позавидовать. Им выпало начинать трудовой путь в счастливую пору — с самого начала нужно настраиваться на творчество, а не перестраиваться на него. Откровенно скажу, сейчас научные организации, конструкторские бюро, заводские цехи заинтересованы прежде всего в притоке молодёжи. Нужны люди, лишённые груза отжив-

ших методов работы, устаревших навыков. Никогда ещё в истории не было таких благоприятных возможностей для творческого и делового роста молодёжи. Но надо не терять времени. Потому что сегодняшнее время — быстрое. И надо с детства воспитывать в себе качества, отвечающие ему.

Корреспондент: И какие же это качества?

И. А. Глебов: Главное, на мой взгляд, — любознательность. Всегда

должны возникать вопросы: почему так? можно ли иначе? Надо сомневаться в очевидных вещах — только так рождаются светлые идеи. Надо верить в неизведанное — и окажется, что до многого без тебя не сумели додуматься, многие открытия не доведены до конца. Ведь предела совершенствованию — нет!

(Окончание беседы
в следующем номере)

Рис. Г. Светозарова

КТО НА КОГО НЕПОХОЖ!

Два близнеца исполняют единственный в мире трюк — соло для двух виолончелей без оркестра. Найди в музыкантах восемь отличий.

Три „альп-узла“

ОТГАДАЙ МАРШРУТ

Откуда едет цирк! Где был ещё вчера! А также позавчера, неделю, месяц назад... Отгадай весь маршрут цирка.

Два „альп-узла“

Рис. Д. МАЙСТРЕНКО

Текст Ю. БУКОВА

Всем участникам восхождения!

«Комиссия по запутыванию узелков» сообщает: группа лидеров достигла штурмового лагеря. До сияющей вершины горы сообразительности уже, как говорится, рукой подать. В штурмовом лагере скалолазы поправят своё снаряжение, отдохнут, им будут вручены призы — книги, а в них автографы и дружеские шаржи нашего художника на «Комиссию по запутыванию». Победителями первого этапа восхождения признаны Лена Родионова (104-я школа), Юлия Мазурина (69-я), Лена Шарцева (3-я, г. Кириши). Поощрительные призы достались Наде Алексеевич (101-я), Оле Дементьевой (355-я), Илье Кириллову (179-я), Наташе Мальцевой (539-я). Призы за самостоятельно придуманные узелки получили Катя Михайлова (179-я) и Дима Спиридонов (235-я).

Нераспутанным остался только узелок «Не обижайте бизонов» в номере 6 «Искорки» за этот год. С ним не справился ни один участник восхождения. Скалолазы! Просите помощи у мам, пап, бабушек и дедушек! Для них за «Бизона» учреждается специальный приз «Для тех, кому за тридцать».

Игра продолжается. Приглашаем вступить в неё новых участников. Итоги будут подводиться отдельно — и за всё восхождение, и за штурмовой участок. Чтобы пройти его, надо набрать пятнадцать «альп-узлов». Итак, отдых закончен, вперёд, на штурм!

Мотоцикл, сопровождаемый треском глушителей и стаей напуганных голубей, ворвался внутрь двора. Промчавшись мимо ребят, он завернул за угол дома, ещё немного потарахтел в предчувствии скорого отдыха и замолк.

Никаких сомнений уже не было — в их доме поселился мотогонщик. Настоящий. Каждое утро выкатывает он из гаража на заднем дворе свою красновато-никелированную «Яву» и садится в седло — в кожаном комбинезоне, синем шлеме с белой полосой, в крагах и очках с жёлтыми светофильтрами, которые закрывают почти всё его лицо.

И надо же такому случиться!

Женьке стукнуло одиннадцать, и он чувствовал себя вполне самостоятельным. Он успел перезаниматься во многих кружках, где научился выпиливать лобзиком, выжигать, паять... В футбол он вообще лучше всех играл во дворе. Но вот больше полугода назад он твёрдо решил стать мотогонщиком. Так долго он ещё никем не хотел быть.

Впервые Женья увидел мотогонщиков в Юкках, когда гостил на даче у Коли.

Точнее, Женья сначала услышал

нарастающий гул и решил, что это самолёт. Он задрал голову, разыскивая его в небе.

— Чудак-человек, что ты там высматриваешь?! — усмехнулся Коля. — Это же мотогонщики едут на тренировку.

— Откуда?

— От верблюда. Ты что, не знаешь, что у нас в Юкках для мотогонщиков трасса международного значения?

Ребята выбежали на дорогу.

Первым из-за поворота вывернул большой зелёный мотоцикл с коляской. Его мощный двигатель солидно ухал густым басом, а вместо фары была круглая белая табличка с буквой «Т».

— Тренер, — догадался Женья.

Затем показались сами мотогонщики. Они ехали небольшой группой по два в ряд. Их лёгкие мотоциклы жужжали нетерпеливо и весело.

Последним оказался тоже большой зелёный мотоцикл, только вместо буквы «Т» на табличке была написана буква «М».

— А это механик, — опять догадался Женья.

Гонщики проехали быстро, и в памяти осталось что-то разноцветное, праздничное. И ещё запах — горячий, машинный, заманчивой...

Потом ребята сели на рейсовый

автобус и поехали на трассу смотреть тренировку.

Пока шла тренировка, Коля всё время что-то рассказывал, объяснял, размахивал руками, приветствовал знакомых мотогогонщиков, но Женья ничего не слышал и не видел. Он вместе с гонщиками мысленно преодолевал подъёмы, спуски, пролетал на разгорячённом мотоцикле десятки метров по воздуху...

Теперь для него всё стало яснее ясного — он обязательно будет мотогогонщиком. «Главное — не опоздать, — думал он. — Быстро изучить всю теорию и начать тренироваться».

Вскоре Женья перечитал все книги о мотоциклах и мотогогонщиках, какие только нашёл в школьной и районной библиотеках. Из них он узнал, как нужно водить мотоцикл: сначала сцепление... потом включаешь скорость... прибавляешь газ... — и поехал! Мотоцикл набирает скорость, дорога раскручивает колёса всё быстрее, разбуженный ветер недовольно упирается тебе в грудь, бьёт тугими порывами в лицо, пробивается сквозь наушники шлема, свистит: «Брось! Остановись! Я тебя сильнее!»... Но потом и он отстаёт, в бессильной злобе набросившись на голубую полосу выхлопных газов, — завивает её в спираль, разрывает на куски, разбрасывает по сторонам. Теперь ветер навсегда твой враг — ты отнял у него право распоряжаться движением на земле. Он всегда будет тебе в лицо — ведь ты мотогогонщик! Но ты его не боишься, потому что у тебя есть преданный друг, твой Конёк-горбунок — твой мотоцикл!..

...Крутой подъём... поворот... мелькают деревья... Тысячи зрителей подбадривают тебя... Они хотят твоей победы. И среди них, конечно, эта зазнайка Пышкина из четвёртого «б».

— Посмотрим, Пышечка, что теперь скажет твой Димка Кротов со своим каратэ.

...И вот уже главный судья взмахнул перед тобой финишным флагом, растерченным по-шахматному. К тебе подбегают болельщики, качают вместе с мотоциклом.... Пышкина да-

рит цветы... Ты ещё разгорячён, и от мотоцикла веет жаром — он тоже устал, но главное позади: ты чемпион!

Мотоцикл, опершись на подставку, одиноко стоял у ворот гаража. Раскалённый его двигатель ещё дышал и потрескивал, медленно остывая. Крылья, сиденье, бензобак, двигатель — всё было покрыто толстым слоем пыли, а колёса так заляпаны грязью, что и спиц не видно.

— Да-а, — восхищённо причмокнул Коля. — Проехал по пересечённой местности километров двести. Не меньше. — Он рассматривал машину со всех сторон, трогал колёса и рычаги, будто проверяя надёжность их крепления. — Ух ты, мотор какой горячий, — взвизгнул Коля, старательно дуя на пальцы. — Ещё и кусается! — Он изогнулся и профессионально плюнул на двигатель, который зло зашипел, опетинившись рёбрами цилиндров, и метнул в Колю маленькое облачко водяного пара.

— Видал?! —

— Так тебе и надо, — неодобрительно ответил Женья. — Машина, конечно, не человек, но плевать на неё всё равно нехорошо.

Всё-таки разными людьми были Коля и Женья, хоть и дружили с первого класса. Только роста одинакового, поэтому и на уроках физкультуры в шеренге стоят рядом. И вообще Женья — худой, в очках, очень рассудительный, любит читать и рассказывать Коле о прочитанном. Зато Коля самый сильный в классе. Он человек дела.

— Слушай, а давай его помоем, — сказал Коля, рисуя пальцем рожицу на запылённой поверхности фары.

— Кого? — не понял Женья.

— Кого-кого? Мотоцикл, вот кого! —

Зачем?

— Во-первых, он его в гараж не поставил, значит, опять ехать собирается. Во-вторых, мы его помоём — он нас за это покатает. А там, глядишь, и самим прокатиться даст.

— Так уж и даст?! — засомневался Женья. — Мы ведь только по книжкам знаем, как это делается, а на самом-то деле ни разу не ездили.

— Тут ничего сложного нет, — самоуверенно ответил Коля. — Медведи в цирке книжек не читают, а видал, как заруливают. А на тренировке помнишь номер семнадцатый? Ну, в красном таком шлеме... Так это девчонка была, самая натуральная. Она, конечно, классе уж в шестом, если не в седьмом учится, но всё равно же девчонка. Если уж у неё получилось, то у нас и подавно получится.

Мысль о возможности научиться водить мотоцикл по-настоящему, да к тому же у гонщика, пришлась Жене по душе.

Через некоторое время Коля вышел из своего подъезда с полиэтиленовым ведром, наполненным водой. Поставив ведро рядом с мотоциклом, он достал из-за пазухи коробку со стиральным порошком и рыжую губку. Отсыпав немного, он засучил рукава и стал перемешивать воду с порошком, пока мыльная пена не переполнила ведро.

— Ты чего, мотоцикл в ведре стирать собрался, что ли? — удивился Женья.

— Не знаешь, так не говори, — ответил Коля, плёпая по мотоциклу мокрой губкой. — Я видел, как машины моют: сначала намылят, после чистой водой ополоснут, а потом тряпкой трут насухо.

Вскоре мотоцикл стал похож на белого, модно подстриженного пуделя Мишу из четырнадцатой квартиры. Коля старательно вытряс из ведра остатки пены и отошёл в сторону, любуясь своей работой.

— Вот что, Жека, — деловито сказал он. — Сходи-ка домой, принеси мочалку и ещё что-нибудь такое, чем посуду чистят, эту грязь так просто не отмоешь. Чистую воду я принесу сам.

Когда Женья вернулся, Коля нетерпеливо расхаживал вокруг намыленного мотоцикла.

— Где ты ходишь? Пена сохнет!

— Искал для посуды — не нашёл. Вот мочалка проволочная. Больше ничего нет.

— Бери свою мочалку и три всё подряд! Да что ты нажимаешь слабо, этак мы и до вечера не управимся. — Коля так сильно навалился на мочалку, что мотоцикл ходуном заходил у него под руками, а белоснежная пена превратилась в грязноватую кашу с красным оттенком.

— Коля, отчего пена такая красная? — начал Женья, но не договорил. Коля окатил мотоцикл чистой водой, и они оба ахнули — краски как не бывало. Мотоцикл из празднично-красного превратился в буднично-серый.

— Бежим, Женька!..

— Как же мы его такого бросим? Он ведь сейчас, как больной...

Дверь подъезда хлопнула, и из неё вышел хозяин мотоцикла. Настроение у него было хорошее. «Завтра будет лучше, чем вчера», — напевал он, весело подмигнул убежавшему Кольке и, не узнав свой мотоцикл, прошёл было мимо. Но вдруг остановился и удивлённо посмотрел на Женью. Потом подошёл к мотоциклу, стоявшему в красной луже из свежесмытой краски, и принялся рассматривать его, не обращая на Женью никакого внимания. Затем молча, но уже с любопытством, стал уже разглядывать Женью, которой опустил голову так низко, что были видны только его уши, покрасневшие от стыда и страха.

— Хорош помощничек, ничего не скажешь — здорово помыл! В мотогонщики хочешь?

— Мы хотели... Я хотел...

— Вижу, что хотел. В каком классе учишься?

— Четвёртый... четвёртый «а» класс...

— Четвёртый «а», значит? В общем, так: в воскресенье в десять чтобы быть здесь на этом самом месте. Будем мотоцикл разбирать и красить заново. Я, честно говоря, давно хотел его в другой цвет перекрасить, да всё собираться никак не мог. Так что, выходи, ты помоги.

И он улыбнулся.

Наш журнал предлагает тебе сегодня прочесть очень старые сказки. Народ, который придумал их — баски, — ещё со времён палеолита живёт в Пиренейских горах, на территории нынешней Испании и Франции. И хотя сегодня Баскония — лишь область этих двух стран, она сохранила свою культуру, свой уклад жизни, свой язык.

Баски — отличные скотоводы и мореходы, авторы древнейших сказок, песен, плясок... А язык басков — эускара — не похож ни на один язык в мире, древнее его, кажется, и нет в Европе.

Баскский фольклор записывали этнографы Франции и Испании на своём языке, поэтому эти сказки про ламиньяков, которые ты прочтёшь, переведены с французского. На русском языке они публикуются впервые. А в 1987 году издательство «Детская литература» выпускает целый сборник пиренейских сказок, которые познакомят читателя с историей, природой и поверьями этой суровой горной страны.

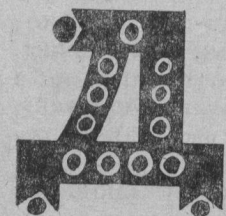

Ламиньяки живут в Басконии. Это существа такие: не люди и не нелюди, одно слово — ламиньяки.

Ростом они невелики, но такие неуклюжие, что с ними всё время что-нибудь случается: то руку в двери прищемят, то о камень споткнутся — с горы упадут, а то и вовсе на ровном месте растянутся.

Родились ламиньяки ещё до того, как появились люди. Жить с людьми ламиньякам неудобно, но и с земли им никак не уйти: всё время что-нибудь забывают. Такая уж у ламиньяков судьба: за какое дело ни примутся, до конца не доделают; говорить начнут — самые нужные слова забудут, дело с людьми по-хорошему заведут, но обязательно рассоятся.

В Басконии ламиньяки живут везде. Правда, больше любят там, где трава повыше и небольшое болотце есть. Зелёную ряску, что плавает на болоте, баски так и называют — рубашки ламиньяков. И сказки про ламиньяков рассказывают по всей Басконии.

Древняя Лик стоит на краю ущелья.

Жителям Лика надо было построить через это ущелье мост, но никак они на это не решались. Место было дурное: недалеко гора Кастелу — столица ламиньяков, и хоть был

у жителей Лика с ламиньяками договор, чтобы друг друга не трогать, но и не доверяли они друг другу тоже.

И всё-таки решились жители Лика. Послали на гору Кастелу самых умных. Пусть предложат ламиньякам построить через ущелье мост. Согласятся — хорошо. Только вот, что они за этот мост попросят?

Вошли, сели за стол, хлеба с сыром поели и говорят:

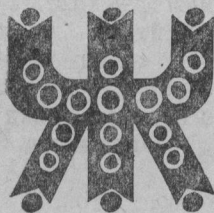
— Ну, вылезай, хозяин, мы тебя давно видим и о чём попросишь — давно знаем. Поработаем для тебя, пока петух не закричит.

Ушли они на поле, стали урожай собирать. А когда утром петух запел, увидел крестьянин, что чердак в его доме полон зерном до самой крыши.

— Чирин-Чирин! — кричит он ламинамкам. — Спасибо!

Пришёл сборщик податей на поле, видит — в поле только полоска ржи не сжата, а чердак в крестьянском доме от зерна ломится.

Рассердился он, раскричался, да восвояси и пошёл. А что ему оставалось? Только сказать, как ламинамки: «Фиргулин-Фиргулин».

или, как повелось в этом мире, муж и жена. Жили год, жили два, но однажды пришла к ним ламина — девушка из рода ламинамков. Зашла

тихонько, «Чирин-Чирин», села у очага, стала греться. Хозяйева, как водится, накормили ламинамью.

Раз пришла, второй пришла, и повадилась ламина ходить в тот дом каждый день ужинать. Муж и жена терпели, терпели и не вытерпели. Вернее, первой не вытерпела жена:

— Не могу больше видеть её у себя на кухне! Что хочешь делай, но чтобы сегодня она сидела здесь в последний раз!

Муж кивнул головой, а потом придумал, как отвадить незваную

гостью.

Переоделся муж в женино платье, жену отослал спать, а сам уселся за прялку.

Вошла ламина, пробормотала что-то, села у стола и спрашивает:

— Что это у тебя, хозяйка, сегодня настроение «Фиргулин-Фиргулин»?

— Устала, — говорит муж тонким голосом. — Ужинать будешь?

Ламинья кивнула и даже глаза закрыла от удовольствия.

Тут муж, переодетый в жену, бросил на сковородку кусок свинины и так его сильно поджарил, что мясо в руку не взять — обожжёшься.

Так и вышло. Ламинья протянула руку, схватила кусок мяса, но тут же закричала от боли и выбежала вон.

Пришла она к ламинамкам жаловаться.

— Кто тебя обидел? — спрашивают родственники.

— Обожглась я, — отвечает ламина, — дали мне люди ужин, но уж очень горячий он был.

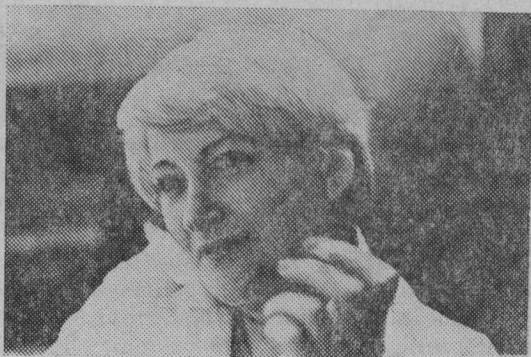
— Так нечего было торопиться! — закричали на неё ламинамки. — Сама виновата. Не ходи тебе больше в тот дом. Откуда ламинамки сами ушли, туда больше не возвращаются.

А вместе с той ламинамкой ушли из деревни и все остальные ламинамки.

Не получается у ламинамков долгой дружбы с людьми: то люди на ламинамков обижаются, то ламинамки на людей. Так до сих пор по Пиренеям и ходят.

Может, и вы где их встретите? Встретите — не бойтесь. Ламиньяки существа странные, но людям зла не делают, даже наоборот, иногда просят помощи.

Золотой ключик поэзии

К 50-летию Нонны Менделевны Слепаковой

В Доме писателя имени В. В. Маяковского два раза в месяц, по средам, открывает двери мастерская «Поэты — детям». На этих средах собираются вполне взрослые дяди и тётки, но ведут они себя так, как подчас вы ведёте себя на переменках: спорят, кричат, размахивают руками, хохочут, а порой — огорчаются. И вот что любопытно: точно так же ведёт себя на занятиях в мастерской её руководитель — поэтесса Нонна Менделевна Слепакова.

Писать стихи для детей — дело замечательное, но непростое и загадочное.

Я всегда спрашиваю себя: каким таким секретом обладает детский поэт? Вот он живёт со своими взрослыми радостями и горестями, и вдруг — словно поворачивается золотой ключик — поэт превращается в мальчишку или в девчонку, гуляет по сказочной (а бывает, и не по сказочной) стране, обзаводится маленькими друзьями и недругами, создаёт вокруг себя целый мир и дарит его вам, детям, своим читателям.

Как же пишутся стихи для детей?

Давайте попробуем понять, как их пишет Нонна Слепакова. Откроем её книжку «Весеннее воскресенье» и прочитаем стихотворение «Что такое перемены?».

*Перемены — это в школе;
В коридорную страну
Выбегают Коли, Оли
И взрывают тишину.*

*Пять минут возни и визга
И полётов кувырком
После игрека да икса,
Перед русским языком!*

А теперь вслушайтесь, взгляните в само слово «перемены». Вы привыкли к нему в школе, ведь перемена — это перерыв между уроками. И только? Оказывается, нет!

*Перемены — это... это...
Это — поезд, это — путь!
Это — город после лета,
Изменившийся чуть-чуть!*

*Это — выигрыш в футболе!
Новый год и новый дом!
Переменам тесно в школе!
Тесно им во мне самом!*

Можете заглянуть в словарь и посмотреть, сколько ещё интересных значений есть у слова «перемена», но главное значение — делать иным, изменять что-либо или кого-либо. Вот как делается это в стихотворении у Нонны Слепаковой:

*Сам себя переменяю —
То грущу, то хохочу!
Вот я завтрак уминаю!
Вот я снова есть хочу!*

Что сегодня потеряю?
Завтра что найду взамен?
Сам себя я отворяю
Для прекрасных перемен!

Стихи, которые пишет Н. Слепакова для детей, не просто поэтичны и познавательны. В них, как в любой серьёзной поэзии, открываются потаённые богатства родного языка — так, что вы начинаете понимать: жизнь, как язык, как наша родная речь, непроста, многозначна, требует отбора и выбора.

Давно выбрала Нонна Слепакова путь поэта, литератора. Хотя применимо ли слово «давно» к поэтической судьбе? Детство поэтессы совпало с войной, а потом оно снова вернулось — в книге рассказов «Тридцатое апреля». Так же, как снова ожили детские ощущения в ее поэтических книжках «Кабутта», «Как образуется улица», «Зверюга». Наверное, многие из вас их читали. И уж наверняка почти все вы побывали в нашем ленинградском ТЮЗе на спектак-

лях, поставленных по пьесам Нонны Слепаковой.

Я перечисляю эти литературные завоевания прежде всего потому, что писателю, конечно же, важно, чтобы читатели знали, что им написано. Но также потому, что сегодня вы познакомитесь с ещё одной работой поэтессы — работой переводческой. И надо сказать: переводить стихи порою труднее, чем писать свои собственные. Перед вами — стихи классика английской детской литературы Алена Милна. Истории Милна о Винни-Пухе знакомы всем ребятам благодаря пересказу Б. В. Заходера. А впервые на русский язык стихи Милна перевёл С. Я. Маршак. Мне кажется, Нонна Слепакова продолжает его замечательную традицию — да вы сами сейчас в этом убедитесь!

Я хочу от всех вас пожелать Нонне Слепаковой многих книжек, в каких бы жанрах они ни были написаны, потому что и стихи, и переводы, и проза — это наша с вами родная литература. Будем же её знать и любить!

Михаил ЯСНОВ

А. Милн

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевела Нонна Слепакова

ВИШНЁВОЕ ДЕРЕВЦЕ

Пахарь. Слесарь.
Токарь. Пекарь.
Парикмахер. Инженер.
Ну, а врач?
Скрипач?
Аптекарь?
Или —

мили-цио-нер?

А которые — танцуют? А которые — поют?
А Начальник Фейерверка — тот, кто делает салют?
А Служитель Зоопарка — тот, кто льву бросает кость?
А Циркач, который может десять стен пройти насквозь?
Ну, а Фокусник с цилиндром и со штангой Штангист?
Или тот, кому я хлопал за художественный свист?
В мире столько же занятий и названий для людей,
Сколько сочных красных вишеноч

на вишенке моей!

КОРОЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ

Смена караула у дворца!

Загляделись

Кристофер Робин с нянею Элис.

Элис просватана за рядового.

— СЛУЖБА СОЛДАТСКАЯ СТРАХ КАК
СУРОВА,— молвила Элис.

Смена караула у дворца!

Загляделись

Кристофер Робин с нянею Элис.

В будке — Сержант, черноус и высок.

— ГЛЯДИТ, КАК СЛУЖИВЫЕ ТЯНУТ
НОСОК,— молвила Элис.

Смена караула у дворца!

Загляделись

Кристофер Робин с нянею Элис.

Снова не вышел Король на порог...

— ЧТО Ж, ОБОЙДЕМСЯ, ХРАНИ ЕГО
БОГ,— молвила Элис.

Смена караула у дворца!

Загляделись

Кристофер Робин с нянею Элис.

Ровным квадратом гвардия встала.

— Я Б КОРОЛЕМ И ЗА ТЫЩУ
НЕ СТАЛА,— молвила Элис.

Смена караула у дворца!

Загляделись

Кристофер Робин с нянею Элис.

Хоть бы в окошко Король поглядел!

— ГДЕ ТАМ! ПОЛНО ГОСУДАРСТ-
ВЕННЫХ ДЕЛ! — молвила Элис.

Смена караула у дворца!

Загляделись

Кристофер Робин с нянею Элис.

— Знает Король, что я делал вчера?

— ЗНАЕТ, ГОЛУБЧИК. ДОМОЙ НАМ
ПОРА,— молвила Элис.

РЫЦАРИ И ДАМЫ

Картинки в книжке говорят:
Вот едет рыцарей отряд,
Храня порядок боевой,
По старым плитам мостовой.

И дамы в платьях голубых
Глядят на рыцарей своих
И улыбаются слегка...
Так было в Средние Века.

...Гляжу в окно. Стоит зима.
По склону дальнего холма
Шагает ёлок тёмный строй,
Храня порядок боевой.

Они суровы и стройны,
Точь-в-точь герои старины,
И голубые небеса
Глядят на тёмные леса.

И я волнуюсь каждый раз:
А вдруг теперь, а вдруг сейчас
Увижу рыцаря в броне,
Верхом на рыцарском коне?

Наверно, нет... А если — да?
Не угадать вам никогда!

ТРИ ЛИСИЧКИ

Честь имею вам представить трёх лисичек из лесочка.
Ни одной у них рубашки, ни единого чулочка,
Только есть у них коробка, а в коробке три платочка
Носовые три платочка.

Вот и всё. На этом точка.

Ни одной у них подушки, ни одной у них кровати,
Но зато они с мышами поутру играют в прятки,
Через лес они несутся, и у них сверкают пятки —
Эти игры у лисичек вместо утренней зарядки.

В магазин совсем не ходят три весёлые подружки,
А охотятся (на речке) и рыбачат (на опушке),
И однажды на рыбалке им попались три кукушки,
И однажды на охоте им попались три лягушки.

*Вот пошли они на праздник, получили там награду:
Три котлетки, три конфетки, триста плиток шоколаду.
На слоне они катались и смеялись до упаду,
После сели на качели и качались до упаду!*

*Вот и всё, что мне известно про лисичек из лесочка,
У которых ни кровати, ни рубашки, ни чулочка,
У которых есть коробка, а в коробке три платочка,
Носовые три платочка.*

Сказка вся. На этом точка.

Рис. Л. Московского

В МАТЧЕ-РЕВАНШЕ, ЗАВЕРШИВШЕМСЯ В НАШЕМ ГОРОДЕ, ГАРРИ КАСПАРОВ ОТСТОЯЛ СВОЕ ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ ЧЕМПИОНА МИРА. «ИСКОРКА» ПОЗДРАВЛЯЕТ Г. КАСПАРОВА С ПОБЕДОЙ!

За тринадцать веков, на протяжении которых шахматы верно служили людям, и шахматные правила и шахматные фигуры не могли не измениться.

Предполагают, что шахматы в их первоначальном виде носили название «чатуранга», что в переводе означает «четырёхсоставное войско». В каждом углу 64-клеточной доски стояло по войску (пехотинцы, всадники, слоны, колесницы, король), играли вчетвером, цель игры — уничтожение всех сил противника.

Позднее из четырёх войск по восемь фигур на шахматной доске образовалось два войска по шестнадцать фигур. Причём один из полководцев стал шахом (королём), второй — его советником (ферзём).

Такое расположение фигур сохранилось и до наших дней.

Интересно проследить, как по-своему вели себя шахматные фигуры в разных странах.

Шахматный КОНЬ. Одна из немногих фигур, которая за время существования шахмат не претерпела заметных изменений. Историки объясняют это тем, что шахматы изображают военное сражение, а конница и в древние, и в средние века, и в недавнее время была одним из важнейших родов войск. В любом комплекте шахмат есть фигура, изображающая коня или всадника на коне.

ПЕШКА. «Пешку можно уподобить храброй пехоте, никогда не отступающей», — писал об этой замечательной фигуре один из историков шахмат. И в самом деле, по правилам игры пешки ходят только вперёд, не имеют права сделать назад ни шагу. На всех языках слово пешка означает одно — пешего солдата.

СЛОН. У восточных народов шахматная фигура слона представляла на шахматной доске как бы фигуру живого слона, потому что слон — боевая единица в сражении. У европейцев эта фигура получила другие названия: у французов она стала именоваться — «шут», «дурак» (шуты в королевских дворцах любили), у англичан — «епископ», у немцев — «бегун», у поляков — «гонец», у болгар — «офицер».

На Руси термин «слон» был переведён с восточных языков абсолютно точно. И хотя живой слон на Руси был большой редкостью, фигурки слона всегда считались символом счастья и богатства.

Окончание. Начало в «Искорке» № 9.

ЛАДЬЯ. Первоначально в индийских шахматах была индийская колесница — «ратха». На смену ей у арабов пришла сказочная птица «Рух». Европейцам птица Рух была чужда, вместо неё встала фигура, обозначающая «утёс», который позднее превратился в крепость-башню «туру».

Почему эта шахматная фигура стала называться на Руси «ладьей»? У историков до сих пор нет на этот счёт единой точки зрения. Но ясно, что на шахматной доске она выглядела, как маленький кораблик.

Археологические раскопки древнего Новгорода начались ещё до Великой Отечественной войны, продолжают и сейчас. Шахматная коллекция, собранная археологами в Новгороде, разнообразна и интересна.

Самые ранние находки датируются XII веком (пока найдены только две фигуры — слон и конь), но в более поздних культурных слоях (XIII—XIV века) число находок достаточно велико. Археологи считают, что в Новгороде в шахматы играли не только бояре. По набору фигур простой выделки, найденных на территории усадьбы посадника Юрия Онцифоровича, можно предположить, что в шахматы играли и дети, и челядь.

В русских былинах можно найти немало «шахматных эпизодов». В шахматы играют три славных русских богатыря — Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алёша Попович. Новгородский купец Садко опускается на дно морское вместе с шахматами и сражается там с морским царём. И киевский князь Владимир играет в шахматы, порой проигрывает. А былинный герой Михайло Патык обыграл «поганого царя Вахрамеея», чем и «выручил русскую землю».

Известно, что шахматы были любимым занятием Петра I. Он играл в шахматы даже во время военных походов, для чего возил с собой специальные мягкие кожаные шахматницы.

А в Петербурге играли в шахматы на зимних ассамблеях. Вот что записал об этом в своём дневнике голштинский дворянин Ф. В. Берхгольц: «Его величество император, когда мы приехали, сидел с одним старым русским за шахматами, в которые, говорят, играет превосходно, как и большая часть русских вельмож».

Древние шахматы ограничивали комбинационные возможности борьбы.

Ферзь был тогда слабейшей фигурой — ходил лишь по диагоналям и на одно поле. Слон тоже передвигался по диагонали, но лишь через поле. Рокировки не было. Пешка не имела первого двойного хода. Лишь конь и ладья двигались так же, как теперь.

В X—XI веках некоторые правила были изменены. Это было вызвано стремлением шахматистов сделать игру более живой. Ферзь стал сильнейшей фигурой, сочетая одновременно ходы ладьи и слона. Слон получил право двигаться по всей диагонали. Пешке разрешили при первом ходе ступать на два поля вперёд. И, наконец, появилась рокировка.

Игра приобрела современный вид. Но утвердилось это лишь в XVI—XVII столетиях.

Прошли века. Шахматы стали достоянием не только многих народов, но и стран и целых континентов. Это — любимая игра миллионов, потому что она «руководима разумом». И в ней — «разумом одерживают победу».

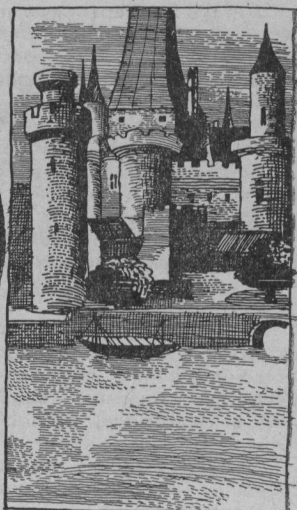

Шахматные фигуры.

Конь. Южная Италия, кость, конец XI в.

Ладья. Гродно, камень, XII в.

Пешка. Волковыск (Гродненская область), XII в.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Остриё шпаги

Попасть в папский дворец в Ватикане оказалось несложно. Однако добиться у папы приёма Базиль не сумел. Папа Пий V не желал видеть посланника французского короля.

— Советуем вам удалиться из Рима, — вразумляли маркиза де Бука и Жоффруа Валле в канцелярии Ватикана. — Не рекомендуем вам проявлять настойчивость, добиваясь аудиенции у его святейшества. Если папа прослышит о вашей настойчивости, дело может принять худой оборот.

— А я как раз и хочу, чтобы папа прослышал о нас и чтобы дело приняло худой оборот, — с неразумным упорством твердил маркиз.

— Давай уедем, — уговаривал его и Жоффруа. — Ничего хорошего нам здесь не дожждаться.

— Прости, но ты ошибаешься. Ты, Жоффруа, знаешь обо всём, на свете, но здесь, прости, я ближе к истине.

Всю дорогу от Парижа до Рима проговорили они об истине, пугая верзилу Антонио своими крамольными разговорами. С полным безразличием к их беседе относился лишь

Проспер, слуга Жоффруа Валле. С тех пор, как у него вырвали язык, он навсегда лишился и слуха.

По дороге в Рим Базиль с удивлением обнаружил, что он ничего не знает. Ничего! Ни о Птолемея, создавшем единую звёздную схему мира, ни о Копернике, доказавшем, что Птолемей кое в чём ошибался. Он ничего не знал ни о Васко да Гама, открывшем морской путь в Индию, ни о Магеллане, совершившем первое кругосветное путешествие. Он ничего не знал ни о Колумбе, ни о Рафаэле, ни о Микеланджело, ни о Леонардо да Винчи... Он не знал ни о ком и ни о чём. Его память сияла такой первозданной чистотой, будто он только что родился.

— Но объясни мне, — растерянно говорил Базиль. — Я честный и смелый человек. У меня есть острая шпага. Зачем мне знать всё то, о чём ты рассказываешь? Что от этого изменится?

— Когда ты поймёшь, что мысль сильнее шпаги, — говорил Жоффруа, — то сумеешь делать больше, чем делаешь сейчас.

— Каким образом? — недоумевал Базиль.

— Представь себе, что ты родился слепым, — пускался в рассуждения

Продолжение. Начало в «Искорке» № 5, 6, 8, 9.

Жоффруа. — Окружающий мир для тебя — сплошная чёрная ночь. Ты работаешь, предположим, в дубильной мастерской, где обрабатывают кожи. Что тебе нужно? Ложку мимо рта ты не пронесёшь. стакан с вином — тоже. Тебе рассказывают, что салат имеет зелёный цвет, яичный желток — оранжевый, а сырое мясо — красный. Тебе втолковывают, что сало белое, а небо голубое. Но что тебе до всего этого, когда ты вообще не знаешь, что такое цвет! Да и зачем практически нужно знать, что сало белое, а мясо красное? Разве от этого они становятся вкуснее? Но вот случилось чудо. Явился святой и, оросив твои глаза волшебной водой, дал тебе немного зрения. И вот тут, узрев малую толику, ты сразу поймёшь, что такое цвет, и захочешь увидеть больше. Ты познаешь прелесть красок и почувствуешь, что уже не можешь без них. И чем больше ты будешь видеть, тем больше тебе начнёт казаться, что ты ещё почти ничего не видел. Мир столь огромен, а ноги у тебя такие медленные... Так и в знаниях. Кто не знает ничего, тот ни к чему и не тянется.

— Ладно, — соглашался Базиль, — пусть будет так. Но вот спорят люди: что вокруг чего вращается — Солнце вокруг Земли или Земля вокруг Солнца. К чему этот спор? Из-за чего тут копыа ломать?

— Совсем недавно, — сказал Жоффруа, — спорили на другую тему: какая она, Земля, — плоская или шарообразная. Зачем? К чему был этот спор? Из-за чего ломать копыа?

— Да, из-за чего? — согласился Базиль.

— Допустим, ты считаешь, что Земля плоская. И решил дойти до её края. Любопытство всё время движет человеком, не даёт ему стоять на одном месте. Ты идёшь, идёшь, а края всё нет и нет. И тогда ты поступишь так, как Магеллан, пустившийся в кругосветное путешествие. Пойдёшь в плавание и узнаешь, что Земля — шар. Вот тебе и ответ на твоё «из-за чего тут копыа ломать». Без крамольных смельчаков жизнь замрёт. С ними и благодаря им люди когда-ни-

будь, двигаясь ко всеобщей истине, уничтожат виселицы и эшафоты, костры и тюрьмы. Когда-нибудь веру перестанут насаждать силой. Споря и расходясь во мнениях, люди перестанут убивать друг друга. Они научатся терпимо относиться к мнению противной стороны. Люди поймут, что сила чаще всего отстаивает вчерашнее, а мысль зовёт вперёд.

Многое понял Базиль за дальнюю дорогу. Очень многое. И главное — что мысль острее, сильнее и опаснее шпаги. Но предать забвению шпагу, которой он владел столь виртуозно, он тоже не мог. Кажется, даже здесь, в Ватикане, Базиль надеялся пробиться к папе совсем не с помощью слова, а как всегда — с помощью клинка.

...Дворик окружала галерея, покоящаяся на витых каменных столбах. Под навесом галереи прогуливались вооружённые стражники. Стража стояла и у распахнутых ворот, и у дверей, ведущих с галереи во внутренние покои.

— Пий! — выглянув в окно, закричал во весь голос Базиль. — Куда ты подевался, пройдоха? Пий! Ты слышишь меня или нет?

Антонио с Проспером держали под узды запылённых коней, дожидаясь во двореке своих господ. Громкий крик Базиля удивил Антонио — чего кричать, когда он здесь всего-навсего в двух шагах? И зачем возмущаться, если он никуда и не уходил?

— Да вот же я, — проворчал Антонио и, оставив на попечение Проспера коней, побрёл на зов хозяина.

— Пий! Прохвост ты этакий! — тем не менее нёсся яростный крик хозяина.

В Ватикане привыкли произносить имя Пий только с благоговением.

— Я прошу вас, господа, — произнёс высокий монах, который вёл переговоры с нашими друзьями, — быть более осторожными, произносятся некоторые имена...

— Это почему же? — заинтересовался Базиль. — Или я не могу сказать своему слуге, дураку Пию, что он дурак?

Монах подал команду, и дюжина охранников стремительно бросилась на Базиля, Жоффруа и их слуг. Пий с Проспером сдались без боя. А Базиль и Жоффруа встали рядом и, прислонившись к стене спинами, обнажили шпаги.

— Возьмите их и препроводите в тюрьму.

Первую атаку друзья отбили успешно. Когда стих звон шпаг и охранники унесли своих раненых товарищей, один из которых пострадал весьма серьёзно, монах сказал:

— Папа не простит вам того, что вы делаете.

— Всё дело в том, — улыбнулся Базиль, — прощу ли его я. Смелее, ребята! В атаку!

— Остановитесь! — раздался властный голос.

Взоры всех обратились к небольшому балкону. На балконе стоял папа Пий V.

— И за что вы собираетесь прощать или не прощать меня? — поинтересовался он.

Все, кто находился в комнате и во дворике, пали на колени. В том числе и Базиль с Жоффруа. Их головы склонились к каменному полу.

— Говорите, — подбодрил папа Базиля.

— Я бы хотел сказать вам об этом наедине, ваше святейшество, — ответил Базиль, поднимая глаза к балкону.

— Вы умрёте, — тихо сказал папа Пий. — Но сначала я взгляну, такие ли вы мужественные на самом деле, какими желаете показаться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Рождённый под знаком созвездия Рака

Папа Пий V был человеком смелым и мужественным, но сам смелых и мужественных людей не любил. Вот так бывает с едой. Мы с удовольствием едим рыбу, но морщимся, когда от других пахнет рыбой. А лук? А чеснок? Смелость и мужество в других раздражали его так же, как раздражали все, кому он был когда-нибудь обязан. Друзья, родные, родственники — он всех потихоньку убирал с дороги, чтобы никто не смог заподозрить его в том, что он был когда-то обыкновенным смертным, нуждающимся в поддержке.

Лишь один-единственный раз в жизни он проявил малодушие и отступил. Это случилось ещё до его восшествия на папский престол... Тогда он носил имя Антонио Гислиери и занимал должность Великого инквизитора. Женщина, которую он любил и которая родила ему ребёнка, обворовала его. Он пытал её самыми изощрёнными пытками, но

она не призналась, где спрятала украденное. Тогда он решил при ней подвергнуть пытке их младенца. Но тут астролог, которому Антонио Гислиери доверял безраздельно, шепнул, что младенца трогать нельзя.

— Он, как и вы, родился под знаком созвездия Рака, — пояснил астролог. — То, что случится с этим ребёнком, непременно тут же произойдёт и с вами. Звёзды вещают, что столь странное сочетание судеб отца и сына бывает раз в тысячелетие. Если умрёт он, мгновенно умрёте и вы. Мало того, вам нельзя даже прикасаться к нему.

И Великий инквизитор отступил.

Та бесчестная женщина погибла под пытками, так и не отдав похищенного. Она всем твердила, что взятое — наследство для сына. А сын вдруг пропал, растворился в безбрежном людском море...

— Мне трудно предположить, что ты слишком отважный человек, — сказал папа Пий Базилю, когда того

«— Узнаешь этот камень, папа?»

усадили в пытошной камере в Кресло следующего. — Отвага имеет свои пределы. Дальше идёт глупость. Как тебя зовут, молодой петух?

— Меня зовут маркиз де Бук, — ответил Базиль. — Я приехал к вам по поручению французского короля, чтобы...

— А как зовут тебя? — обратился папа к Жоффруа Валле.

— Жоффруа Валле, ваше святейшество, — ответил Жоффруа. — Я прошу вас проявить милосердие к моему другу, который натворил в запале такого, о чём сейчас искренне сожалеет.

— Да ни капли я не сожалею! — возразил Базиль. — Всё идёт так, как надо.

— Не сожалеешь? — удивлённо спросил папа. — Чего же ты хочешь?

— Прежде всего, чтобы вы удовлетворили просьбу моего короля. Король Франции Карл Девятый просил передать вам, что вы останетесь довольны французскими католиками. Для изведения крамолы хороши все средства. Он просит вас дать своё согласие на брак принцессы Маргариты с Генрихом Наваррским.

— Базиль, — вмешался Жоффруа Валле, — вдумайся в смысл слов, которые ты произносишь. Для изведения крамолы хороши все средства. Какой крамолы? И чем могут обернуться для французов те средства?

— Вот даже как? — папа с инте-

ресом посмотрел на Жоффруа Валле. — Ты рассуждаешь как высокий философ, мой друг. С тебя и начнём.

Папа подал знак, и четверо подручных стали раздевать Жоффруа.

— Кровопиец! — закричал Базиль. — Ты не сделаешь этого! Ты не знаешь, что это за человек! Отпусти его! Вампир! Ты называешь себя наместником бога на земле, а на самом деле замещаешь сатану!

— Откройте ему рот, — вздохнул папа, — и вырвите то, чем он глаголет свои непристойности.

Казалось, уже ничто не могло спасти Базилья и Жоффруа. Но в ту минуту, когда палач с клещами приблизился к Креслу следующего, Базиль крикнул:

— Я родился под знаком созвездия Рака!..

И произошло чудо.

— Стойте! — крикнул папа.

Палачи замерли в том положении, в каком застал их суровый окрик.

— Чем ты можешь доказать, что родился под этим знаком?

— Пусть меня освободят, — дёрнулся Базиль. — Я покажу тебе доказательства.

Движение руки — и Кресло следующего выпустило Базилья из своих объятий.

— Я долго ждал этой минуты, — проговорил Базиль, направляясь к возвышению, на котором восседал

папа. — И наконец имею возможность сказать тебе всё, что о тебе думаю. Сказать и от себя лично, и от имени моей матери, которую ты замучил.

Базиль расстегнул рубашку и достал кожаный мешочек, в котором хранил бриллиант.

— Узнаёшь этот камень, папа?

— На свете много драгоценных камней...

— Его у тебя не украли, — сказал Базиль. — Ты произвёл на свет сына, но не собирался тратить на его содержание. Мать взяла у тебя этот камень, чтобы я, твой сын, не вырос нищим. Ты сомневаешься в подлинности камня? Доказательства я представляю тебе весьма просто...

— Нет! — воскликнул папа. — Ни с места! Чего ты хочешь?

— Чтобы ты исполнил то, для чего я сюда приехал. Мне необходимо разрешение на брак.

— Считай, что просьба короля Франции удовлетворена, — кивнул папа.

— Прикажи освободить Жоффруа Валле и наших слуг.

— Жоффруа Валле и ваши слуги свободны.

— И последнее, — сказал Базиль. — Как истинный христианин...

Стремительный прыжок к подножию папского кресла оказался столь неожиданным, что Базиль не успел помешать.

— ...я должен поцеловать твою туфлю, — закончил Базиль, прижимаясь к папской ноге.

Схватившись за сердце, папа Пий V вскочил с кресла, но тут же грузно опустился в него.

— Вот оно... — пробормотал он. — Вот... Господи... Отведите меня в опочивальню. Врача! Скорее врача! У меня кружится голова. Мне плохо. И срочно отыскать моего астролога. Скорее! Я задыхаюсь! Скорее!

(Продолжение следует)

Однажды, а честно сказать — было это не однажды, — когда Вася в поисках линейки перерыл всю комнату, а Варя, собираясь пришить пуговицу, перепутала все мамини нитки для вязания, мама, в который уже раз, грустно сказала: «Ну нисколько вы свой дом не любите...» И ушла на работу огорчённая.

— Неправда, — сказал Вася, оглядев комнату. — Я люблю свой диван, полку с книжками... телевизор люблю смотреть...

— А я, — сказала Варя, — люблю, когда мама пироги печёт...

— Вы простите меня, ребята, что в разговор вмешиваюсь... — Ребята обернулись и увидели человека: ни молодого, ни старого, ни высокого, ни низкого, ни худого, ни толстого — складного. — Думаю, вы не знаете, что такое Д О М. Пойдёмте ко мне в гости, в дом, где я живу со своими девятерыми братьями. Меня зовут — Старший.

В таком доме ребятам бывать ещё не приходилось — в нём всё было сделано своими руками: подушки на диване сшиты из лоскутков, ковёр связан из верёвок, часть мебели красиво сделана из... обыкновенных деревянных коробок, а светильник на кухне — из корзины. Но любая вещь, любая мелочь в этом доме светилась красотой и радостью.

— Соображаешь, кто здесь живёт! — спросил Вася Варю.

— Кто!

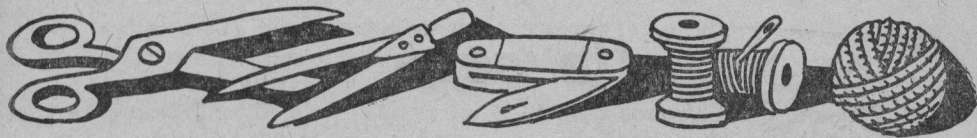
— Как кто! Умелые руки, вот кто! А десять братьев — это десять пальцев на руках.

— Куда уж нам так! — вздохнула Варя.

— Дело ведь не только в руках, — вмешался Старший брат. — Ведь Д О М — это не просто место, где вы живёте с родителями, это часть вашей жизни, причём большая часть. Значит, человек должен внести в свой дом что-то своё. Но для этого нужно приложить руки.

— Ой, как интересно! — сказал Вася.

— Ой, как сложно! — сказала Варя.

— А попробуйте научиться! — предложил Старший брат.

Вася и Варя с радостью согласились.

А мы решили познакомить с уроками десяти замечательных братьев всех наших читателей.

«МЕЛОЧИ- В КАРМАН».

— Первая тема для занятий, — начал Старший брат, — мелочи в доме. Мелочи дом создают, но мелочи и портят. Сколько в доме мелочей, которым нет постоянного места!

— Да, — подтвердила Варя. — Мама часто ссорится с папой — где газету почтает, там её и оставит.

— А папа говорит, — добавил Вася, — ты сначала ложку свою пристрой. У мамы всегда ложка с плиты падает — такая большая деревянная, она ею суп пробует.

— Ну, а теперь посмотрите на себя. Какую деталь одежды вы больше всего любите!

— Карманы! — не задумываясь, выпалил Вася. — Туда всё можно сложить!

— Так в чём дело! Перенесём эту замечательную деталь одежды в домашний обиход.

И работа закипела: Вася чертил, рисовал, вырезал, клеил, Варя строчила на швейной машинке, работала швейной иглой и вязальным крючком. А помогали ребятам десять пальцев — десять замечательных братьев.

Наконец работа была закончена, и дом приобрёл совсем другой вид, потому что все мелочи нашли себе место.

Папины газеты разместились в кармане. Он сделан в виде почтового ящика из синего материала, натянутого на плотный картон. Его можно повесить не только на кресло, но и на край дивана, письменного стола. (Как он выглядит, а также как выглядят все другие поделки Вари и Васи, вы можете рассмотреть на 3-й странице нашей обложки).

Для своего вязания Варя придумала, Кота.

Сделан он тоже из картона, обтянутого материей. В кармашек на животе кота Варя сложила спицы, вязальные крючки, а на лапки-крючки повесила корзину с клубками.

Ну, а Вася сделал для себя карман в виде дома. Он использовал для своего кармана разные остатки искусственной кожи (стенку от старого ранца, обложки от старых записных книжек и т. д.). Теперь все любимые Васей карандаши, линейки, резинки «живут» каждый в своей комнате и никуда не убегут.

Для мамы же ребята особенно постарались. Они сделали матрёшку.

Для неё пошла в ход старая клеёнка, которую мама недавно заменила новой. Теперь ложка, которой она пробует суп, а также другие подручные кухонные принадлежности всегда будут под рукой.

Потом Вася и Варя сели отдохнуть, но успокоиться не могли. Оказалось, что тема «Мелочи — в карман!» просто безгранична.

— Можно, — мечтал Вася, — сделать большой карман-стенку со многими отделениями — в прихожую. И тогда не будут постоянно «пропадать» перчатки, шарфы, тапочки, а то и зонтики.

— А можно, — представляла Варя, — сшить небольшой карманчик-несессер с отделениями для зубной щётки, мыльницы, пасты и крема. Висит он у тебя в ванной, а собрался в дорогу — сверни и бери с собой. Вернулся домой — опять повесь...

Но тут пришла мама и, оглядев в изумлении квартиру, сказала...

Впрочем, что в таких случаях говорят мамы, вы можете узнать сами, если попробуете усвоить первый урок десяти замечательных братьев и сшить карманы для мелочей.

Ждём ваших писем, рисунков и, конечно, «карманов». Может быть, вы придумали что-то совсем необычное!

Помогает десяти братьям журналистка Наталья ЖУКОВА

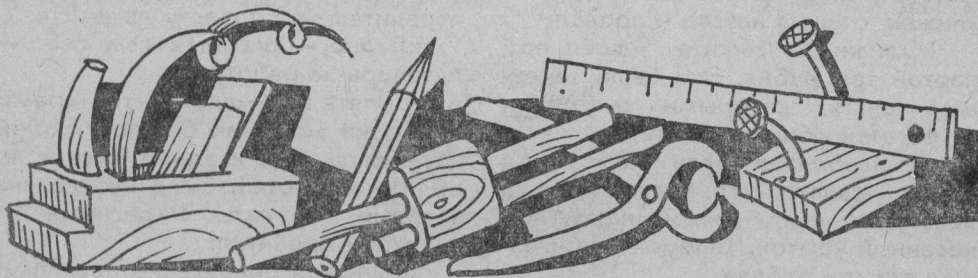

Рис. В. Шаронова

«Да ведь

это же

хорошо!..»

К 50-летию Якова Ноевича Длуголенского

Когда редакция «Искрки» попросила меня написать о Якове Длуголенском и его книжках, я, конечно же, сразу согласился. Потому что писать о Длуголенском для меня то же самое, что вспоминать о собственной молодости. А кому не нравится вспоминать о молодости?

Было время, когда мы оба, и я и Длуголенский, назывались молодыми литераторами. И даже ездили вместе в Москву на Всесоюзное совещание молодых писателей. Кажется, это происходило совсем недавно. На самом деле это было давно. Настолько давно, что уже, и правда, можно писать воспоминания.

Итак, я сел за письменный стол, положил рядом с собой книжки Длуголенского — здесь были и «Возчик первого класса», и «Не потеряйте знания», и «Дыра, где жил слон», и «Жили-были солдаты», и «Неизвестный в клеточку», и «Я играю в шахматы»... — и задумался. Я думал, с чего лучше начать. Два раза даже выводил на бумаге первые фразы, но тут же браковал их и выбрасывал листки с написанным. Время шло, а я всё сидел и думал. Потом я машинально взял одну из книжек, открыл наугад и прочёл:

«Однажды Никита нашёл под партой три рубля. Это были те самые деньги, которыми выстрелил из рогатки обидчивый Лимонников, а потом облазил весь класс и под конец заявил, что класс обязан возместить ему, Лимонникову, понесённый убыток. Теперь Никита нашёл эти три рубля».

Не знаю, как вам, а мне, когда я

читаю такие строчки, становится радостно за писателя, который их придумал. Не правда ли — и смешно, и неожиданно, и интересно, сразу хочется узнать, что там дальше произойдёт и с обидчивым Лимонниковым, и с Никитой, и с их одноклассниками. Конечно, я и раньше — и даже не один раз — читал «Повесть про Никиту, Гуляя и Шуберта», которая начинается этими строчками. Но всё-таки не удержался, перевернул страницу, а потом ещё одну и даже не заметил, как перечитал всю повесть до конца.

«Ладно, — сказал я сам себе. — А теперь за работу».

И опять задумался. А тем временем рука моя, как бы сама собой, потянулась ещё к одной книжке, на обложке которой были нарисованы весёлые солдаты. Я раскрыл эту книжку и прочитал:

«Однажды учились мы правильно метать гранату».

Метнул Володя Московский — далеко улетела граната.

Старшина говорит:

— Хорошо!»

«Так, так, — сказал я себе. — Помнится, там с этой гранатой произошло что-то любопытное... Ну-ка, посмотрим...» — И стал читать дальше.

«...Храбров и Московский ходят друг перед другом — мускулы свои показывают.

Выходит метать гранату Дудкин.

Старшина ему говорит:

— Замах, замах неправильно делаешь! Дай я тебе покажу.

И показывает: делает совершенно правильный замах, и граната летит далеко-далеко.

— Не умею я так, товарищ старшина, — тихо говорит Ваня. — Я лучше без замаха.

Надоело старшине спорить, он и говорит:

— Ладно, кидай без замаха. Сам увидишь, как нужен правильный замах. Граната и десяти метров не пролетит — упадёт.

Ну, Дудкин разбегается — кида-ет.

Летит граната, летит и всё не падает. И упала ли вообще — этого мы так и не заметили.

Часа полтора искали мы гранату.

Всё кругом облазили.

Ваня извиняется: не нарочно, мол, так далеко кинул.

А старшина сердится:

— Как же ты её без замаха так далеко метнул? Не по правилам это!

Неловко Ване: и гранаты нет, и не по правилам метнул».

Таких весёлых историй немало в книжке «Жили-были солдаты». И пока я не перечитал их все, я не выпустил книжку из рук. Даже сам

удивился: опять я, оказывается, увлёкся!

«Всё, — сказал я себе. — Хватит. Нужно сосредоточиться».

Я обхватил голову руками и склонился над листом бумаги, как шахматист над шахматной доской. Когда-то я играл в шахматы и знал, что самое главное в любом деле — это сосредоточиться. Заниматься шахматами я ходил тогда во Дворец пионеров. Шахматное искусство будущим мастерам и гроссмейстерам там преподавал Владимир Григорьевич Зак. Ну да, тот самый Владимир Григорьевич Зак, чья фамилия стоит теперь на обложке книжки «Я играю в шахматы» рядом с фамилией Длуголенского. Потому что эту книжку они написали вместе.

Неожиданно для себя я обнаружил, что уже держу в руках эту книгу и рассматриваю шахматную диаграмму. В этой книжке, конечно же, были не только диаграммы, но и увлекательные рассказы про шахматы, и советы юным шахматистам, и короткие биографии великих шахматистов. Короче говоря, очень трудно было оторваться от этой книжки.

«Да что же это такое! — сказал я сам себе едва ли не с возмущением. — Я же не читать должен! Я же писать должен! О Длуголенском! А я...»

Рассердившись, я решительно отложил книжки в сторону. А потом вдруг подумал: «Да ведь это же хорошо! Да ведь это же самая большая похвала для писателя, если его книжки так и просятся в руки. Если трудно от них оторваться».

Вот об этом, решил я, пожелаю, и напишу.

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Перед вами одна из шести «Музыкальных историй», посвящённых капитану Насибулину.

Часто читатели спрашивают: какой процент правды заключён в том или ином художественном произведении?

Отвечу так: обычно не менее 100—120 процентов.

Такое соотношение справедливо для большинства «Историй», но только не для «Тыквочки».

В «Тыквочке» — и это читатель поймёт сразу — присутствует процентов семьдесят пять пусть самого правдивого, но всё-таки сказочного домысла.

Надеюсь, что реальный капитан Насибулин за это на меня не обидится.

Ф. К. В. М. ЛУГОЛЕНСКИЙ

ТЫКВОЧКА

(МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ)

I

С недавних пор командир музыкантского взвода Насибулин стал замечать, что его подчинённый, рядовой Карымшаков резко изменился: стал, что ли, более задумчивым, даже нервным, стал натывать на товарищей и офицеров (что вообще недопустимо), плохо есть стал, плохо спать, а в самые ответственные моменты, когда краса и гордость парашютно-десантного полка духовой оркестр под управлением капитана Насибулина замолкал, вдруг словно просыпался и делал тарелками запоздалые «дзинь» или «бам».

Скопились и другие факты, на которые просто нельзя было не обратить внимание.

Так, во время развода караула, когда и начальник, и помощник, и разводящие, и будущие часовые, и оркестранты, подбадривающие своей музыкой заступающих в на-

ряд, одинаково мокли на плацу под проливным дождём, возле рядового Карымшакова появлялся неизвестный в резиновых сапогах и тубетейке и заботливо раскрывал над Карымшаковым зонт.

Дождь барабанил по спинам и фуражкам, проникал в сапоги и карманы, заполнял пилотки и раструбы духовых инструментов. Один Карымшаков стоял под дождём сухим. Правда, он при этом сильно краснел и довольно невежливо говорил незнакомцу:

— Уходи немедленно!

Но на душе присутствующих всё равно оставался неприятный осадок: если условия созданы для всех равные, почему рядовой Карымшаков должен находиться под персональным зонтом?..

Что касается неизвестного, то он, взглянув на Карымшакова с непередаваемой грустью, тотчас же уходил. А если быть точным — то

растайвал, исчезал, испарялся за завесой дождя.

Факт второй. Некоторое время тому назад возле контрольно-пропускного пункта полка, то есть буквально в каких-то двадцати метрах от въездных ворот, расположился некий неизвестный в тюбетейке и с большим сапожным ящиком. На ящике было написано: «Бесплатные услуги. Чистим сапоги».

Было установлено, что сапоги неизвестный чистит (во всяком случае, пытается чистить) только рядовому Карымшакову. Когда же другие старались подsunуть свои сапоги, тут же вывешивал табличку «Обед».

Говорят, рядовой Карымшаков демонстративно и с особым старанием надраивал свои сапоги ваксой на виду у неизвестного и при этом обращался к последнему со следующими непонятными словами:

— Ну что, выкусил?

Неизвестный смотрел на действия рядового Карымшакова с невыразимой грустью.

Факт третий. Во время строевых занятий, когда нещадно палило солнце и всем музыкантам, включая капитана Насибулина, очень хотелось пить, когда даже вороны попрытались, а спасительную тень — против всех законов физики — отбрасывала только длинная и тощая фигура Насибулина, появилась тележка с газированной водой. Толкал её неизвестный в тюбетейке.

Он подрулил прямо к рядовому Карымшакову, налил полный стакан и протянул — искрящийся, холодный, с лимонным соком:

— Пей.

— А остальным? — строго спросил Карымшаков.

Неизвестный тут же повесил табличку «Обед».

Тогда рядовой Карымшаков молча отстранил стакан и коротко сказал неизвестному:

— Уходи.

Неизвестный посмотрел на Ка-

рымшакова с невыразимой грустью.

Факт четвёртый: странное происшествие на почте.

По словам заведующей, рядовой Карымшаков трижды на дню отправлял одну и ту же бандероль, и она трижды, непонятным образом, выскакивала из опломбированного и опечатанного мешка обратно. По свидетельству заведующей, Карымшаков отбивался от настёрной бандероли двумя руками. Однако, и это заведующая помнит твёрдо, бандероль в итоге победила: Карымшаков сунул её под мышку и, чуть ли не рыдая, ушёл.

И, наконец, пятый, самый необъяснимый и последний факт.

Недели через две в поведении незнакомца неожиданно наступил разительный перелом:

в случае появления дождя зонт раскрывался теперь не только над Карымшаковым, но и над остальными;

газированная вода отпускалась не только Карымшакову, но и другим;

прежняя надпись на ящике — «Бесплатные услуги. Чистим сапоги» — сменилась другой: «Каждый солдат сам обязан чистить свои сапоги».

— Кто тебе этот дядька? — с удивлением спрашивали солдаты. — Родственник?

— Дальний, — отвечал Карымшаков. — Иллюзионист из нашего сельского цирка.

— Выходит, и газировка у него не настоящая, и зонты, и ящик для сапог?

— Это всё настоящее. У иллюзионистов всё настоящее, — успокаивал Карымшаков.

Фактов, как видим, скопилось более чем достаточно, и капитан Насибулин решил поговорить с подчинённым по душам.

Однако рядовой Карымшаков его опередил. Он пришёл сам, тихий и взволнованный, и сказал:

— Товарищ капитан, разрешите обратиться по личному вопросу? — В руке рядовой Карымшаков дер-

жал маленькую тыквочку. — Не могли бы вы устроить мне экзамен по сольфеджио? А то без этого он никак не уезжает.

После столь удивительной просьбы капитан Насибулин, естественно, не мог не спросить: кто не уезжает, куда не уезжает и почему?

Пришлось рядовому Карымшакову объяснить всё.

2

— Как вы знаете, товарищ капитан, я родом с предгорий Копет-Дага. У нас там есть горы, и оазисы, и пустыни. Земля древняя, удивительная и во многом ещё загадочная. До сих пор считалось: родина джиннов — Аравия. Однако профессор Семёнов, с которым я до армии вёл археологические раскопки и который обучил меня игре на нескольких музыкальных инструментах, но, к сожалению, не успел обучить нотной грамоте, утверждал, что родина джиннов — Копет-Даг. Я этому не верил. Теперь верю.

Месяц назад я получил из дома посылку: урюк там, кишмиш, вяленая дыня и так далее. И ещё

маленькую тыквочку. К тыквочке была приложена записка. От мамы. «Дорогой мой и ненаглядный Рахим...» В общем, сами знаете, как они все пишут.

— Знаю, — сказал капитан.

— «Абрикосы и виноград в этом году хорошо уродились, хлопков и того лучше. Кланяются тебе отец, сёстры твои Фатима и Гюльсары и твой младшенький братик Пулат». Тот это ещё фрукт, товарищ капитан, я вам доложу. «Будешь есть кишмиш и урюк — обязательно поделись с товарищами...» Просто смешно, товарищ капитан. Как это она себе представляет? Я залезу с головой под одеяло и стану тайком от всех есть кишмиш?.. А дальше в записке вот что: «Ещё посылаю тебе эту маленькую тыквочку. Открой её, когда будешь один». Слово «один» три раза подчёркнуто синим карандашом. Мама у меня бухгалтер. Товарищ капитан, хотя маму свою я иногда критикую, но всё равно люблю.

— Понимаю, — сказал капитан.

— А если критикую Пулатика... В общем, с него всё и началось. Дело было так. Сидел он однажды, выдалбливал тыквочку и вдруг говорит:

— Думаю, нашего Рахима уже наградили.

Папа читал газету. Мама пекла лепёшки. Сёстры Фатима и Гюльсары собирались на танцы.

— Чем наградили? — не сразу понял отец.

— Орденом. Сначала ранили, а потом наградили. — Но увидев, что сказанул что-то не так, поправился: — Ну... может, сначала наградили, потом ранили.

Видно, мысль о ранении прочно засела ему в голову.

Мама, конечно, в слёзы. Сёстры тоже. Папа взялся за ремень:

— Думай, что говоришь!

Однако дело своё Пулатик сделал.

Мама заявила, что вот только допечёт лепёшки и уезжает ко мне. Сёстры заявили, что тоже. Пулатик сказал, что папа всё время дерётся и потому он тоже с ним не останется, и пошёл укладывать свои вещи: бронетранспортёр, тыковку, резинового ишака и велосипед.

Представляете, товарищ капитан, картину: мама с лепёшками и прочей снедью, сёстры с сухофруктами, братик Пулатик с бронетранспортёром, ишаком и велосипедом появляются в расположении нашей части?

Конечно, отец быстро восстановил порядок.

Но ненадолго.

Неделю спустя отец работал в саду и откопал под старым абрикосовым деревом кувшин. Отец принёс кувшин в дом и сказал:

— Посмотри, мать, что я нашёл!

Был воскресный день. Мама, как всегда, пекла лепёшки, Фатима и Гюльсары, как всегда, собирались на танцы. Братик Пулатик корпел над тыквой. Но, увидев кувшин, не выдержал, подошёл к столу, вытащил из кувшина затычку и...

Сёстры Фатима и Гюльсары сказали: «Ай!»

Мама и папа, взявшись за руки, разом сказали: «Такого быть не может!»

Братик Пулатик ничего не сказал, поскольку говорящей своей половиной уполз под сервант.

— Понимаете, товарищ капитан, когда я получил тыковку, я, конечно, её открыл, заглянул из любопытства... Историю на почте помните?

— Помню.

— А другие истории?..

— Тоже помню.

— Тоже всё тыковочка. Поэтому я и пытался отправить её обратно. А вместе с ней того, кто там сидит.

С этими словами рядовой Карымшаков поставил тыковочку на стол и вынул из неё затычку.

Много раз говорил капитан Насибулин своим подчинённым, что общефизическая подготовка нужна не только десанникам, — музыкантам тоже нужна: «Ни фуги Баха, ни мазурки Шопена, ни Первый концерт для рояля с оркестром Петра Ильича Чайковского не заменят вам сильные ноги, тренированное дыхание и мощный брюшной пресс. У военного музыканта должна быть крепкая рука».

В молодости капитан Насибулин поднимал пудовые гири. Потом перешёл на двухпудовые. Однако при виде того, кто появился из тыковочки, у него сбилось тренированное дыхание и брюшной пресс стал не таким твёрдым, и дрогнула крепкая музыкантская рука.

Нельзя сказать, что появившийся был каким-то чудищем. Вид он имел вполне приличный. И хотя ростом явно не вышел, всей своей осанкой, что ли, благородной, то ли манерой поведения и весьма почтенным возрастом производил неизгладимое впечатление даже на людей военных — и это несмотря на то, что носил заурядную тубетейку и на случай маскировки надел резиновые сапоги.

Да, да, из тыковочки, озираясь и потягиваясь, вылез уже знакомый нам гражданин в тубетейке. С невыразимой грустью посмотрел он на рядового Карымшакова, а

затем, с надеждой, на товарища капитана.

— Знакомьтесь, товарищ капитан, — вздохнул Карымшаков. — Джинн Абдыкасым.

3

Тут многие могут удивиться и спросить, как же джинн Абдыкасым оказался в тыквочке, если находился до этого в кувшине? Неужели снова не обошлось без Пулата?

Отвечу: не обошлось.

Когда затычка была вытащена, все, в том числе джинн, оказались в довольно трудном положении.

С одной стороны, вековые традиции: все джинны должны работать. С другой — никто не знал, чем джинна занять.

От предложения вывести колхоз в число лучших папа, председатель колхоза, наотрез отказался:

— Шефы помогают, пионеры помогают... Теперь ещё джинны помогать будут?.. Сами справимся!

В бухгалтерском учёте Абдыкасым не понимал, домашним хозяйством отродясь не занимался. Поэтому и маме ничем особенно помочь не мог. Ну, если только там принести воды.

Сёстры Фатима и Гюльсары водили мощный хлопкоборочный комбайн, доверить столь сложную технику джинну также не могли.

Дело нашёл Пулат. Он подошёл к джинну и сказал:

— Дедушка! Будешь носить за мной в школу портфель. И чтоб без опозданий!

Просто поразительно: баев и князей в роду Карымшаковых не было, откуда же у Пулата появились столь дремучие феодальные замашки?..

Так и носил бы джинн за ним портфель, если б не дознался про то отец и не оттащил Пулата за уши.

Во второй раз джинн остался без дела. Но ведь не мог же он жить нахлебником в трудовой семье Карымшаковых!

И тут снова «выручил» Пулат.

Завершил он последние узоры на своей тыквочке и говорит:

— Думаю, нашего Рахима опять наградили. Теперь у него уже два ордена.

Папы дома не было. Сестёр тоже. Поэтому плакала одна мама.

Слушал, слушал Абдыкасым и говорит:

— Пошлите меня к вашему Рахиму. Уж я точно узнаю, наградили его или не наградили. А для экономии места можете отправить прямо в посылке — вместе с урюком и кишмишем. Я тут приглядел одну маленькую и удобную тыквочку...

Отдавая должное Абдыкасыму, не забудем отметить и благородный поступок Пулата: ничего не потребовав взамен, он отдал свою тыквочку.

Так джинн Абдыкасым прибыл с помощью современных средств в парашютно-десантный полк и оказался у Рахима Карымшакова.

Первое время, как мы помним, между Рахимом и джинном Абдыкасымом возникали различные конфликты. Но чем больше джинн присматривался к солдатской службе, тем больше убеждался, что его подопечный не хуже других с этой службой справляется. Менялись его взгляды и на некоторые частные вопросы. Джинн однажды понял, что добрые дела нельзя дозировать, как газированную воду, — давать одним и обделять других.

4

Выслушав всю историю, капитан Насибулин сказал:

— Я всё очень хорошо понимаю. Ведь прежде чем вернуться домой, джинну Абдыкасыму важно убедиться, что и в музыке вы, Рахим, добились определённых успехов.

— Слышишь, что говорит уважаемый... э-э... — оживился джинн.

— Сергей Павлович, — подсказал Насибулин.

— Уважаемый капитан Сергей Павлович?..

— А вернувшись, всё рассказать маме — как есть, без утайки. Я могу это только приветствовать.

Капитан Насибулин встал и пригласил джинна Абдыкасыма в музыкальный класс.

Надо сказать прямо: волновались все трое одинаково — только каждый по-разному.

Джинн Абдыкасым волновался потому, что ничего не понимал в нотной грамоте и не очень представлял, в чём состоит экзамен.

Рядовой Карымшаков потому, что хотел для спокойствия джинна и мамы сдать экзамен как можно лучше.

Капитан Насибулин волновался потому, что не был уверен в благополучном исходе экзамена.

В углу музыкального класса стоял рояль, в центре — столы-парты, а на стене висела чёрная нотная доска.

— Уважаемый джинн Абдыкасым, — сказал Насибулин, усаживая Абдыкасыма за первую парту, — вы — наш почётный гость, поэтому право выбора предоставляется вам. Сейчас я сыграю три музыкальных произведения: «Марш Черномора» из оперы «Руслан и Людмила»...

Джинн Абдыкасым с достоинством кивнул.

— «Песенку Крокодила Гены» из мультфильма про Чебурашку...

Джинн Абдыкасым снова кивнул.

— И марш из балета Прокофьева «Любовь к трём апельсинам». Какое из сочинений станет экзаменационным — решать вам.

С этими словами капитан Насибулин сел за рояль, джинн Абдыкасым приложил ладонь к уху, а рядовой Карымшаков подумал:

«Только не „Марш Черномора“. Он самый трудный. Лучше бы „Песенку Крокодила Гены“».

Но предугадать музыкальные вкусы Абдыкасыма было трудно.

«Марш Черномора» показался ему мрачноватым, и он отверг его. Бесхитростная мелодия Крокодила Гены вызвала на лице Абдыкасыма снисходительную улыбку. Зато марш из балета ему понравился сразу. Во-первых, само название напоминало далёкую юность и всё ещё не прошедшую с годами любовь Абдыкасыма к апельсинам; во-вторых, мелодия не казалась простой и поэтому вполне годилась для серьёзного экзамена.

Карымшаков подошёл к доске, решительно взял мел и ещё более решительно начал писать.

Тут только Абдыкасым понял, в чём состоит экзамен: Рахим должен был не просто правильно

запомнить мелодию, но и безошибочно воспроизвести её на доске!

«Надо было остановиться на „Крокодиле Гене“», — с тревогой подумал Абдыкасым.

Но было поздно.

Капитан Насибулин следил за узорами знаков, рождаемых бестрепетной рукой рядового Карымшакова. Джинн Абдыкасым — за лицом капитана.

«Доволен, — удовлетворённо решал было Абдыкасым. И тут же впадал в панику: — Нет, недоволен».

Но по лицу капитана трудно было что-то понять.

Наконец Рахим Карымшаков отошёл в сторону и сказал:

— Всё, товарищ капитан. Я закончил.

Насибулин ещё раз взглянул на нотную запись.

— Хорошо, — сказал он. — Хотя и небезупречно. Вот здесь, Рахим, вы забыли поставить знак, обозначающий паузу, а здесь — обозначающий длительность ноты. Это, я полагаю, от волнения.

Капитан Насибулин взял мел и собственноручно поставил оба знака.

Из-за своей парты поднялся джинн Абдыкасым. Его лицо выражало гордость, тревогу и восхищение одновременно.

Гордость внушали явные успехи Рахима. Тревогу — мысль об остав-

ленном без присмотра Пулате. Восхищение — он присутствовал при рождении таинственных нотных знаков.

— Когда я вернусь домой, — сказал он, — я обязательно исполню маме Рахима все три запавшие мне в душу мелодии.

5

На следующий день рядовой Карымшаков и капитан Насибулин отправляли Абдыкасыма в путь. На бандероли было написано «Не кантовать» и «Исключительно ценная».

На этот раз бандероль вела себя вполне прилично. Заведующую удивило только поведение капитана Насибулина, который вдруг наклонился над бандеролью и произнёс:

— Привет маме.

А на крыльце капитан Насибулин сказал Карымшакову:

— Я рад, Рахим, что вы хороший человек.

— А я, товарищ капитан, рад, что вы всё правильно поняли. Наверное, я сделал в диктанте не одну и не две ошибки.

— Двенадцать. И это вы тоже совершенно правильно поняли. И запомните: тот, кто хочет стать хорошим музыкантом, должен учиться всю жизнь.

Рис. Ю. Шабанова

Олег Данилов

ИМЕНЕМ

Научный консультант-
кандидат
юридических наук
В.С. ТИМЕСКОВА

12
РАССКАЗОВ
О БОРЬБЕ ЗА ИСТИНУ
И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

ЗАКОНА!

С
РАССЛЕДОВАНИЯМИ,
ИССЛЕДОВАНИЯМИ,
ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ,
СУДЕБНЫМИ
ЗАСЕДАНИЯМИ
И
ЮРИДИЧЕСКИМИ
КАЗУСАМИ.

РИСУНКИ
Ю. БОЧКАРЁВА

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие ребята!

Мы в большом долгу перед вами — никак не можем опубликовать ответы на те вопросы, которые мы сами вам задали в трёх последних выпусках серии «Именем закона!..».

Почему!

Вот строки из присланных вами писем.

«...Если каждый начнёт со своими семейными делами в милицию бегать — не-когда будет воров ловить!»

«...Как хорошо, что капитан Соколов нашёл время помочь Лёше Волкову. Молодец Лёша, что к нему обратился!»

«...Этот Сева Славкин — просто ненормальный! Разве можно покрывать воров и жуликов!!»

«...Молодец Сева! Настоящий друг!»

«...Я бы на месте лейтенанта Ивченко этим хулиганам вообще бы руки-ноги переломал! Вырасту — так и буду делать!»

«...Ивченко легко махать кулаками, его двенадцать лет учили дзю-до! А может, Шурику и ребятам надо было помочь, а не бить их. Может, они запутались в жизни...»

Вот какие разные мнения! Мы поняли, что ваши письма требуют подробного, серьёзного разговора, который и состоится в завершающем (двенадцатом) выпуске нашей серии.

А теперь новая тема.

Многие наши читатели просят рассказать о том, как научные исследования используются в раскрытии преступлений. Выполняя задание редакции, Олег Данилов встретился с капитаном Соколовым и взял у него интервью, записав его на магнитофон. Но, кроме обычной расшифровки магнитофонной записи, Олег, не удержавшись — ведь писатель! — сочинил несколько историй на основе тех сведений, которые сообщил капитан.

Предлагаем вашему вниманию рассказ Олега Данилова.

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

Как наука полагает закону

...Франция, Париж. Июль 1879 года.

В одной из комнат префектуры криминальной полиции «Сюртэ» идёт допрос.

— Господин инспектор! Клянусь господом нашим Иисусом Христом и всеми апостолами — я совершил эту кражу случайно! До этого я вёл честную жизнь! Жестокая бедность толкнула меня...

— Врёшь! Мне знакома твоя нахальная рожа! Господин писарь, посмотрите, нет ли в нашем архиве фотографии этого типа!

— Но, господин инспектор... В нашем архиве — восемьдесят тысяч фотографий... Если я начну их перебирать...

— М-да!.. И всё-таки я тебя уже видел! По-моему, твоя фамилия Андрие!

— Побойтесь бога, господин инспектор! Я с самого детства Луи Саньяр! Ещё моя дорогая матушка...

— Врёшь! Писарь, дайте карточку на Андрие! Так... Ну, конечно... Все приметы совпадают! «Невысокого роста... брюнет... черты лица мелкие... грабёж... побег из тюрьмы!» Это ты, мерзавец!

— Осмелюсь заметить, что господин инспектор сам брюнет невысокого роста с мелкими чертами лица!

Подобные сцены происходили в парижской префектуре чуть не каждый день. Определить личность бесчисленного количества уголовников, буквально наводнивших в то время Париж, было невозможно. Ни примитивные фотографии, ни поверхностные описания внешности не помогали. И вот однажды скромного полицейского писаря Альфонса Бертильона осенила великолепная идея!

— Что вы делаете, Бертильон?

— Обмеряю заключённых, господин инспектор!

— Зачем?

— Природа сотворила всех людей разными!

— Правильно... Ну и что?

— Если измерить у преступника объём головы, длину рук, пальцев... то потом, когда он снова попадёт к нам, по этим приметам можно...

— Вы хотите сказать, что не бывает людей одинакового роста?!

— Какой-то один признак может совпадать! Но я подсчитал: если сделать одиннадцать разных измерений, то вероятность совпадения 1 к 4191304-м!

— Вы знаете, сколько в Париже уголовников?

— Если расположить карточки по моей системе, найти нужного человека не составит труда!

— Теперь мне всё ясно!

— Вот видите!

— Ясно, что вы, дорогой Бертильон, просто-напросто перегрелись на солнце... Но если вам больше нечего делать — измеряйте этих мерзавцев!

До 1883 года метод Бертильона встречал только насмешки — ведь ни один из обмеренных им преступников не попадался вторично. Как вдруг!..

— Ваша фамилия?
 — Дюпон, ваша честь!
 — Ну да... Сегодня это уже шестой Дюпон... Почему вы все придумываете именно эту фамилию?.. Итак, объём головы — 157 см, средний палец — 114 мм, мизинец 89 мм... Заглянем в картотеку... Так... Так. Позвольте! Ну да!.. Есть! Вы — Мартин!
 — Чего?
 — Вы — Мартин! 15 декабря 1882 года вы уже были арестованы за кражу!

— То есть точного доказательства того, что данный человек именно тот, которого ищут. Впервые научная идентификация стала проводиться по методу Альфонса Бертильона — о нём я вам только что рассказал. Его метод, по имени создателя, получил название «бертильонаж».

— Но что-то я не слышал, чтобы сейчас, в наше время, кого-то обмеряли!

— Видите ли, очень скоро выяснилось, что «бертильо-

— Откуда... откуда... вы знаете?

— Это моё дело! Итак, вы Мартин?

— Да, я Мартин... Но... как вы это установили?

...Капитан Соколов, закашлявшись после долгого рассказа, отпил из стакана глоток воды.

— Как видите, Олег, перед людьми, занимающимися поиском преступников, всегда стояла проблема идентификации личности.

— То есть?

наж» имеет ряд недостатков. Измерений множество, но если хоть одно сделано неточно — всё насмарку!

— А есть способ абсолютно идентифицировать преступника?

— Есть. И возник он временно с «бертильонажем». Послушайте, как это произошло.

...Япония. Токио. 1879 год.

— Мистер Фулдс! Мистер Фулдс! Скорее!

— Что такое, Сэм?

— К соседям залез вор!

— Так беги за полицией!
 — Но вор убежал!
 — Всё равно беги за полицией!

— Полиция уже там!
 — Тогда в чём дело?
 — У соседей недавно побелили забор!

— Я очень рад за них — и что же?

— А вор, когда убегал, измазался в саже!

— Сэм, я тебя уволю!

— Ваше право, мистер Фулдс! Но только этот негодяй, перелезая через забор, оставил на белой извёстке отпечатки своих пальцев, измазанных сажей! Вы собираете коллекцию... и я подумал...

Шотландский врач Генри Фулдс, работавший в токийской больнице Дзукии, имел не совсем обычное увлечение — он собирал коллекцию отпечатков пальцев. Его интересовал вопрос: есть ли различие в узорах на кончиках пальцев — они называются папиллярные линии — у людей разных наций и народностей и передаются ли эти узоры по наследству?

Но его исследования не вышли бы за пределы медицины, если бы вор, залезший к соседям, не схватился рукой, испачканной в саже, за покрытый извёсткой забор... Когда через несколько дней преступник был пойман, Фулдс попросил у японской полиции разрешения снять отпечатки пальцев арестованного. Оказалось, что они отличаются от тех, что были на заборе. Значит — сделал вывод Фулдс — задержан невиновный! И врач оказался прав. Вскоре арестовали настоящего вора, отпечатки которого точно соответствовали следам на извёстке. Вот тогда-то Фулдс и подумал: а нельзя ли использовать этот метод для идентификации преступников? И не име-

ет ли смысл на месте каждого преступления искать отпечатки пальцев?

Так родился исключительно простой и удобный метод — дактилоскопия.

— Владимир Иванович, но неужели у каждого человека узоры на кончиках пальцев разные?

— Да, Олег. Это доказано.

— А если преступник как-нибудь изменит отпечатки?

— Как?

— Ну, например, сделает пластическую операцию! Можно ведь под наркозом просто срезать кожу! Или пересадить! Предположим, в Америке нанять врача-хирурга, заплатить...

— Такие попытки были. И, кстати, именно в Америке...

Для начала — несколько цифр. В 1933 году в США было зарегистрировано 1 300 000 грабежей и убийств. Волна преступности буквально захлестнула страну. Появились крупные гангстерские объединения, во главе которых стояли известные бандиты — Аль Капоне, Франк Костелло, Джон Диллинджер, Элвис Карпис, Кэт Баркер...

— Женщина?

— Представьте себе — да. Так вот единственным способом для полиции установить, кто именно из преступников схвачен, была дактилоскопия — отпечатки пальцев задержанного сравнивали с имевшимися в полицейской картотеке. И вот однажды...

...Соединённые Штаты Америки. Чикаго. 1934 год.

— Экстренный выпуск! Читайте «Чикаго Трибюн»! Экстренный выпуск! Известный гангстер Джек Клутас, по прозвищу Красивый Джек, расстрелян из пулемётов у ворот собственного дома! «Мы неплохо поработали!» — говорит

сержант Хили! Покупайте «Чикаго Трибюн»!

— Экстренный выпуск! Полицейский мир в панике! У застреленного вчера Джека Клутаса пальцы не оставляют отпечатков! Пластическая операция — конец дактилоскопического метода! Покупайте «Чикаго трибюн»!

— Экстренный выпуск! Сообщение специальной врачебной комиссии. На новой коже Джека Клутаса росли старые узоры! Ещё неделя — и они стали бы заметны простым глазом! Америка обле-

жение яда при отравлении... Вы слышали, например, что современные методы позволили обнаружить мышьяк в останках волос и костей... Наполеона?

— Императора?

— Да-да!

— Его, что же — отравили на острове Святой Елены?

— Во всяком случае — некоторые западные газеты именно это утверждают. В принципе, провести такой анализ можно. Наука об отравлениях и об исследовании ядов называется токсикологией.

чённо вздыхает! Покупайте «Чикаго трибюн»!

...Да, Олег, ни пластические операции, ни срезание кожи, ни прижигание кончиков пальцев соляной кислотой преступникам не помогало: на новой коже рано или поздно появлялись точно такие же узоры.

— Владимир Иванович, а как ещё помогает наука в расследовании преступлений?

— Я назову несколько направлений. Например, опреде-

или исследование контактных наложений. Предположим, преступник, вскрывая сейф, работал в перчатках. Отпечатков пальцев нет. Но ведь от перчатки на сейфе остаются ворсинки... Нашли владельца перчаток — есть лишнее доказательство... Так что иногда можно обойтись и без отпечатков пальцев.

Или судебная баллистика — исследование огнестрельного оружия.

— Я понимаю — откуда

стреляли, из какого ружья или пистолета...

— Приблизительно так. Дело в том, что после выстрела на пуле остаются следы. Причём как не повторяются отпечатки пальцев двух людей, так не повторяются и следы на пулях, выпущенных из разного оружия...

— То есть из ружья — один след, а из пистолета — другой?

— Это само собой. Но даже если выстрелить из двух пистолетов одинаковой системы с одного и того же расстояния — всё равно следы на пулях будут разными.

— Владимир Иванович, а не могли бы вы вспомнить какой-нибудь случай из практики, когда наука помогла вам раскрыть преступление?

— Я не могу припомнить случая, чтобы мы могли обойтись без науки... Ну вот, например, около месяца назад...

Был совершён наезд. Свидетели видели — человека сбил грузовик типа «КамАЗ», серого цвета. Номер, конечно, не заметили... Представляете, сколько в городе таких грузовиков? А вдруг это вообще не «КамАЗ»? Померещилось свидетелю или он в машинах не разбирается... Ясно, что грузовик, но какой?..

— Но ведь невозможно найти среди тысяч машин!..

— Надо найти! И тут нам на помощь приходит наука. Причём разные отрасли науки. Вы знаете, что такое бампер-перелом?

— Нет. Что такое бампер — знаю. Впереди машины, такая блестящая железная штука...

— Она бывает, кстати, и резиновая... Удар при наезде обычно происходит о бампер, а он находится на уровне головы человека. Конечно — перелом. Так вот, у разных ма-

рок машин бамперы расположены на разной высоте. Значит...

— Значит, и переломы — на разной высоте?

— Именно. И что, по-вашему, из этого следует?

— Значит, по высоте перелома можно определить марку машины?

— Вот какой вы молодец! По высоте перелома мы и определили, что это был не «КамАЗ», а «БелАЗ»... Эксперты высказали предположение, какие повреждения — вмятины, царапины — могут быть у этого «БелАЗа». Так мы узнали, какую марку машины надо искать и с какими следами...

— Но ведь всё равно — огромное количество машин!..

— Да, сотни автомобилей пришлось осматривать. Но найти — полдела. Мало ли откуда могут взяться у автомобилей похожие повреждения! Надо доказать, что это именно та самая машина!

— И это возможно?

— На одежде пострадавшего остались мельчайшие, буквально микроскопические частички краски. Был сделан анализ этих частичек и взят соскоб покрытия предполагаемого автомобиля. Если анализы совпадут — значит тот самый. А они как раз и совпали...

— Но ведь можно ошибиться?

— Это, товарищ Данилов, в литературе можно ошибиться! Вот как вы — нашего Ивченко в прошлом выпуске изобразили чуть ли не героем, а я бы его за такие номера!.. Ну, да ладно... Нет, наука — дело точное. Иногда заключение эксперта — достаточное основание для суда при вынесении приговора... Не знаю, Олег, достаточно ли полно осветил я для вас тему, но, к сожалению, мне нужно ехать...

— Последний вопрос, Владимир Иванович! Не относящийся к теме, но тем не менее... В самом первом выпуске нашей серии мы рассказали о том, как лейтенант Ивченко задержал рецидивиста Стриженого...

— Нарушив мой приказ: самому этого не делать!..

— Читатели интересуются — какова судьба Стриженого? Был ли суд, как его наказали?

— Суда ещё не было — там вскрылись любопытные

если желаешь. На магнитофон записывать будешь? Валяй. Глядишь, и я в истории останусь... Я вообще-то писателей уважаю. Да... Если книга хорошая попадётся — душой, я тебе скажу, отдыхаешь... Как на воле побывал... Правда, писатели тоже разные бывают... Как тебя, говоришь? Олег Данилов? Извини — не слышал. Врать не буду...

Ты, когда про меня писать станешь, первым делом упомяни, что, мол, Стриженный сам в милицию шёл, явку с повин-

обстоятельства... Хотите с ним побеседовать?

— Со Стриженным?

— Он — в предварительном заключении. Сейчас я позвоню, вас отвезут в тюрьму... Берите свой магнитофон — и действуйте! А я, извините...

— Спасибо, Владимир Иванович!

— Привет всем, читающим ваш журнал!

— ...Ну здорово, здорово, писатель... Давай поговорим,

ной оформлять... Как-никак — смягчающее обстоятельство... Пускай суд учтёт. Это я уже потом, на следствии, начал им про институт рыбного хозяйства заливать — обиделся, что самому прийти не дали... Ты только не смейся, писатель, я с детства конфеты люблю шоколадные. Тогда я в «гастроном» шел, думаю, куплю себе «Белочки» или «Кара-Кума», наемся до отвала, да и в милицию — сдаваться... А тут паренёк этот подвернулся... Узнал

меня... «Ваши документы!» — говорит. Я его вежливо отодвинул — он мне витрину заслонил... Потом чувствую — вроде комар кусает... Открываю глаза — лежу на койке, простыней накрыт, правая ручка моя в гипсе, а в левую медсестра укол делает...

А почему я в милицию с повинной решил идти — это я тебе обязательно рассказать должен.

Я, когда из колонии удрал, в Ленинград приехал. В большом городе затеряться легче. Хотя сейчас нигде не затеряешься... Пришёл к другу, говорю: «Посоветуй место, где побольше взять можно». Он мне — адресок. «Кто проживает?» — говорю. А он так усмеивается хитро и говорит: «Инженер из управления материально-технического снабжения». Я другу говорю: «Что я там поймею? Ложки мельхиоровые? Или бусики из стекляшек?» А друг смеётся и говорит: «Отстал ты, Степан, от жизни! Иди — не пожалеешь!»

Пошёл. Дождался, пока семья разошлась кто куда: сынишка — в школу, инженер с женой — на работу. Захожу... Ну, что значит — как дверь открыл? Сама открылась!.. Хотя четыре замка было... Огляделся — мама дорогая! Ковры. Хрусталь. В стенном шкафу — три дублёнки, два кожаных пальто. Видеомагнитофон, причём японский!.. В прихожей у зеркала золотые цепочки валяются, кольца, браслеты! В серванте — сервизы, один другого чище! Мебель импортная!..

Стою и думаю — сколько же этот инженер получает? Ну — двести рублей. Ну — триста!.. Ну жена, предположим, столько же. Всё равно и десятой доли того не купишь, что имеют. Кстати, инженер на работу на «Жигулёнке» уехал...

И знаешь, писатель, противно мне стало. Ладно, я — вор. Так я и живу как вор! От людей хоронюсь, по стране болтаюсь, в колониях то и дело заседаю... А этот? Он у государства столько наташил, что мне и не снилось. А при всём при этом он на работе состоит, живёт с семьёй, с сынишкой, не прячется, от каждого милиционера не шарахается...

Нет, думаю, шалишь! Не буду я твои поганые вещички брать! А то вроде как и я в твою компанию попадаю. Ещё подумал — а не взять ли мне в руки стульчик и не разгромить ли всё это логово в мелкие щепки? Нет, думаю, — не надо. Рано или поздно тебя, дорогой, посадят, вещи твои отберут — конфискация имущества это называется, слышал, писатель? — так пускай государство всё в целости и сохранности получит!

И вот тут-то окинул я свою жизнь мысленным взором, и побежала у меня по щеке горячая слеза, — про слезу, писатель, напиши, не забудь! — и решил я идти в родные органы сдаваться. И перво-наперво — про этого деятеля сообщить. А то за мной гонятся, а под боком — такой цветочек распустился!

Правда, как я про него заявил — выяснилось, что знают. Ухватить, говорят, трудно...

И потом — невозможно работать стало. Ловят — хоть ты тресни!

До чего наука дошла — это не описать никакими словами. Предположим, побывал ты в квартире. Следов, ясно, не оставил. Так они — представляешь! — воздух квартирный собирают в пробирку, запах исследуют и доказывают, что ты в этой квартире был! Одорология это называется. У каждого человека, оказывается,

свой запах есть... Волос найдут — и могут доказать, что это твой. Ты записку сжёг — они по пеплу чуть ли не текст восстанавливают. Кто-то тебя издали видел — сейчас по его словам фоторобот делают, и через сутки — по всей стране твои фотографии у милиции имеются... И рентгеновские лучи применяют, и лазеры, и... как его... и не выговоришь сра-

зу... спектральный анализ, и химию всевозможную... И всё — против меня одного!..

Ну, скажи, можно так жить? Я так прикинул — за побег из мест заключения мне три года светит да не досидел я парочку годов — итого пять лет. Немало, понятно. Но зато выйду как человек, может, и семьёй ещё обзавестись сумею...

ОТ РЕДАКЦИИ

Олег Данилов появился у нас дня через два после того, как отправился к капитану Соколову. Олег был мрачен и чем-то сильно расстроен.

— Что случилось, Олег! — спросили мы. — В чём дело!

Олег махнул рукой и сел в угол на диван.

— Так это всё... тяжело! — после долгого молчания сказал он. — Вы бы видели лицо этого мальчика!

— Какого! — мы даже перепугались. — Да что произошло!

— Когда я, поговорив со Стриженным, вышел из тюрьмы, — стал наконец рассказывать Олег, — то увидел милицейскую «Волгу». За рулём сидел капитан Соколов.

— Садитесь, Олег, подвезу! — Он распахнул дверцу машины. — Я неожиданно освободился... Ну как!

— Раскаивается Стриженный... Просил про это написать!

— Посмотрим, — усмехнулся капитан, трогая машину с места. — Вам в редакцию? Добро... Он каждый раз раскаивается!.. Хотя... Всё может быть!..

— Владимир Иванович, — спросил я, — а про кого это он рассказывал? Что за инженер с такой богатой квартирой!

— Вот как раз сегодня мы у этого инженера должны были обыск делать, — сказал капитан. — Ремень пристегните, а то ещё на ГАИ налетим... Приехали, а жена говорит: кто-то позвонил, он в «Жигули» свои прыгнул и уехал... Пришлось отложить...

— Так, наверное, его задержать надо! — заволновался я.

— Зачем! — пожал плечами капитан. — Никуда он не денется. А вот и кому и зачем он так поспешил — это интересно... Наши ребята его ведут, конечно... Кстати, ваш любимый Изченко группой командует.

Капитан правил машиной легко и уверенно. Мы выехали на набережную.

— Внимание всем постам ГАИ! — раздался вдруг голос по радиации. — Внимание постам ГАИ города и области! Угнан автофургон КДС 58-03! Машина идёт из Каменска по направлению к Березнякам! Примите меры к задержанию!

— Делать им нечего! — вздохнул капитан, остановив машину перед светофором.

— Кому! — не понял я.

— Да угонщикам этим... Всё равно остановят максимум через десять минут... Скрыться-то невозможно...

— Но ведь автофургон — огромная машина! — вслух подумал я. — Как же можно её остановить! А если угонщик не послушается приказа!

Красный свет сменился зелёным, и мы поехали дальше.

— Есть методы, — спокойно сказал капитан. — Можно, например, на пути следования «ежа» кинуть — ленту такую, с колючками... Все шины пропорет — поневоле остановишься... Сотрудники ГАИ, если надо, и на полном ходу из своей машины в кабину той могут прыгнуть... Они это умеют... Можно и из пистолета пару колёс продырявить... Вот, помню...

— Внимание всем постам ГАИ! — снова прозвучал голос по радиации. — Новые данные об автофургоне КДС 58-03! Внимание! За рулём — ребёнок! Категорически запрещаю применять обычные методы задержания! Повторяю — за рулём мальчик примерно двенадцати лет! Немедленно освободить шоссе от автотранспорта на предполагаемом пути следования! В населённых пунктах, на перекрёстках, регулируемых светофором, дать «зелёную волну»! Выслать вперёд, не ближе пятисот метров к фургону, патрульную машину для оповещения! Вести наблюдение с вертолёт! Подготовить медицинскую помощь! Немедленно сообщать о любых изменениях маршрута!

— Да, положение!.. — нахмурился капитан.
— А почему нельзя его задерживать! — удивился я.
— А как! В любом случае — риск! Пропорят шины — перевернуть машину может... Про стрельбу уж и не говорю. Если преступник за рулём — выводить не приходится. А тут!.. Потому и дорогу очистили, чтобы не напугать... Не туда руль крутанёт — и всё!.. Единственный выход — пусть едет, пока самому не надоест... До Березняков километров сорок, если от Каменска считать... А там...

Вдруг наша «Волга» остановилась так резко, что я чуть не ударился головой о ветровое стекло. Капитан распахнул дверцу с моей стороны.

— Выходите! — скомандовал он. — Выходите, Олег! Мне нужно... туда... Быстрее!

— А что такое! — даже обиделся я. — Вы же не ГАИ!..
— Автофургон из Каменска, — неожиданно тихо сказал капитан. — Мальчик за рулём... Не понимаете!

Тут я буквально похолодел. Разные, казалось бы, не связанные между собой события: побег Серёжи Иванова из дому, его неожиданное увлечение экономикой, разговор про Каменскую трикотажную фабрику в кабинете капитана Соколова — этот разговор случайно услышал Лёша Волков, — странная квартира, в которой оказался Стриженный, поспешный отъезд инженера в неизвестном направлении — всё сложилось у меня в одну страшную картину!

— Товарищ капитан! — взмолился я, вцепившись в кресло. — Я с вами! Поймите — я должен быть там! Я должен видеть!

Капитан, секунду подумав, коротко кивнул. Я захлопнул дверцу. Взыла сирена, и наша «Волга», круто набирая скорость, понеслась по осевой.

— ...А что же было дальше! — спросили мы, потому что Олег внезапно замолчал.

— Дальше... — задумчиво сказал Олег. — Дальше много чего было.

РЕБЯТА! О том, что случилось с Серёжей Ивановым, мы расскажем вам в следующем выпуске серии «Именем закона!..». А пока наши вопросы.

1. Как вы думаете, действительно ли рецидивист Стриженный собирается бросать своё преступное ремесло? Или это с его стороны уловка?

2. Что же всё-таки случилось с Серёжей Ивановым? Как объяснить все те события, за которыми мы с вами следим уже почти целый год?

Ждём ваших писем.

„ИСКОРКА-87“

АЛЕКСАНДР ЖИТИНСКИЙ. «ХРАНИТЕЛЬ ПЛАНЕТЫ»

(К рисункам на 4-й странице обложки)

Однажды Борис Быстров, обыкновенный ученик обыкновенного 6 «б» класса, оказался в центре внимания всей Вселенной.

Началось это так.

Боря пришёл из школы, дома никого не было, и стал смотреть в окно — а живут они на десятом этаже высотного дома.

Как вдруг на кухне что-то грохнуло и звякнуло, потом что-то зашевелилось, а потом раздался голос:

— Мальчик, иди сюда! Не бойся. Я знаю, что ты дома. На помощь!

Это был Марцеллий — посланец из Центра Вселенной.

Вяяснилось, что в Центре, как в огромной библиотеке, хранится информация о разумной жизни всей Вселенной, более

того, оказалось, что там есть информация о каждом человеке, и, что самое главное: Борю Быстрова назначили в Центре Вселенной — хранителем планеты.

Каждая должность обязывает. А необычная фантастическая должность влечёт за собой и фантастические события и приключения.

Фантастическая повесть Александра Житинского «Хранитель планеты» будет напечатана в «Искорке» в 1987 году.

Между читателями, приславшими правильные ответы на большинство заданий, опубликованных в этом выпуске «Клуба смекалистых ребят», будет разыгран приз. Срок для ответов — до 15 декабря.

КРУГОМ 65

Составила Лена Тучкова
(412-я школа, г. Петродворец)

Расставьте цифры в таком порядке, чтобы сумма их по горизонталям, вертикалям и диагоналям равнялась 65. Если решение будет правильным, то прочтёте пословицу (5 очков).

1	2	3	4	5
Т	△	Р	·	А
6	7	8	9	10
Н	Е	И	Ш	М
11	12	13	14	15
К	Ш	Е	Е	И
16	17	18	19	20
А	Р	К	Н	И
21	22	23	24	25
□	Н	Ы	Р	Е

РЕБУС

Составила Маша Мельникова
(521-я школа)

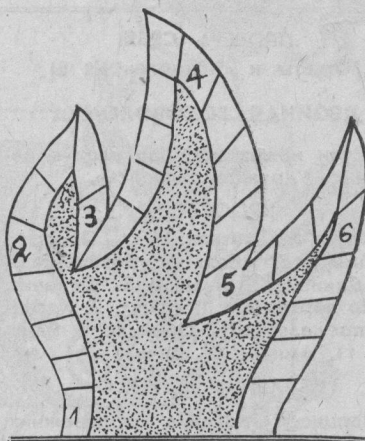
Прочтите пословицу (2 очка).

ЧАЙНВОРД «КОСТЁР»

Составила Света Белозёрова
(347-я школа)

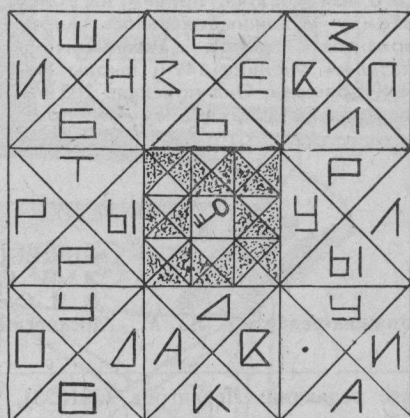
1. Часть отряда. 2. Пионерский коллектив класса. 3. Пионерский коллектив школы. 4. Всесоюзный

пионерский лагерь. 5. Спортивное соревнование. 6. Пионерское приветствие (3 очка).

КАКАЯ ПОСЛОВИЦА?

Составили Олеся Лейко
и Аня Сосновская

С помощью ключа прочтите русскую пословицу (5 очков).

СЛОЖИ И ВЫЧТИ

Составила Маша Иванова
(263-я школа)

Замените значки цифрами и решите пример (3 очка).

$$\begin{array}{r} \blacksquare \triangle - \blacktriangle \triangle = \square \nabla \\ + - \square + \blacktriangle \nabla = + \blacktriangle \square \\ \hline \blacksquare \square - \triangle = \blacksquare \square \end{array}$$

ПРОВЕРЬ СЕБЯ!

(Ответы к «Искорке» № 8)

ДВОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА

«Руки наших народов всех в неразрушимой дружбе сплелись».

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Поворот. 7. Минус. 8. Абель. 9. Ковалевская. 10. Длина. 12. Лузин. 13. Деление.

По вертикали: 1. Конус. 2. Хорда. 4. Определение. 5. Циркуль. 6. Влияние. 11. Ампер. 12. Линия.

ГЛАВНАЯ СТРОКА

Нарцисс, гвоздика, подснежник, тюльпан, ландыш.

МИКРОРЕБУС

Перестройка.

КТО ПОБЕДИЛ?

Между смекалистами, приславшими правильные ответы на все задания, опубликованные в «Искорке» № 7, приз на этот раз не разыгрывался. Дело в том, что по просьбе читателей даны были более сложные задания, и ответов на них пришло всего три десятка, причём на головоломку «Сложи» оказалось много вариантов ответов. «Чемпионкой» оказалась ученица 149-й школы Надя Кудряшова. Она прислала 208 вариантов. Ей и будет вручён приз.

СОДЕРЖАНИЕ

Юность Петербурга. Очерк Натальи Глинки	1
«Про всё прочитать интересно...» Стихи Сергея Махотина	9
Картины из села Гаврилова. Окончание повести Валерия Воскобойникова	11
«Учитесь познавать и удивляться» (Беседа с академиком И. А. Глебовым). Продолжение	21
Узелок	25
Завтра будет лучше, чем вчера... Рассказ Б. Вениаминова	26
Сказки про ламинальков	29
Золотой ключик поэзии (К 50-летию Н. М. Слепаковой) Вступительное слово М. Яснова	32
Стихотворения А. Милна в переводе Нонны Слепаковой	33
Откуда пришли шахматы. Шахматная мозаика	36
Еретик Жоффруа Валле. Главы из романа Константина Курбатова	38.
Уроки десяти замечательных братьев. Урок первый. Мелочи — в карман	43
«Да ведь это же хорошо!» (К 50-летию Я. Н. Длуголенского) Вступительное слово Б. Никольского	44
Тыквочка. Рассказ Якова Длуголенского	46
Именем закона! Как наука помогает закону. Рассказ Олега Данилова	53
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рисунок Л. Иванова «Золотая осень».	
На 2-й странице обложки граюра Р. Яхнина «Петровский натюр-морт».	
На 3-й странице обложки рисунок В. Шаронова к первому уроку «Десяти замечательных братьев».	
На 4-й странице обложки рисунок В. Топкова к фантастической повести А. Житинского «Хранитель планеты».	

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

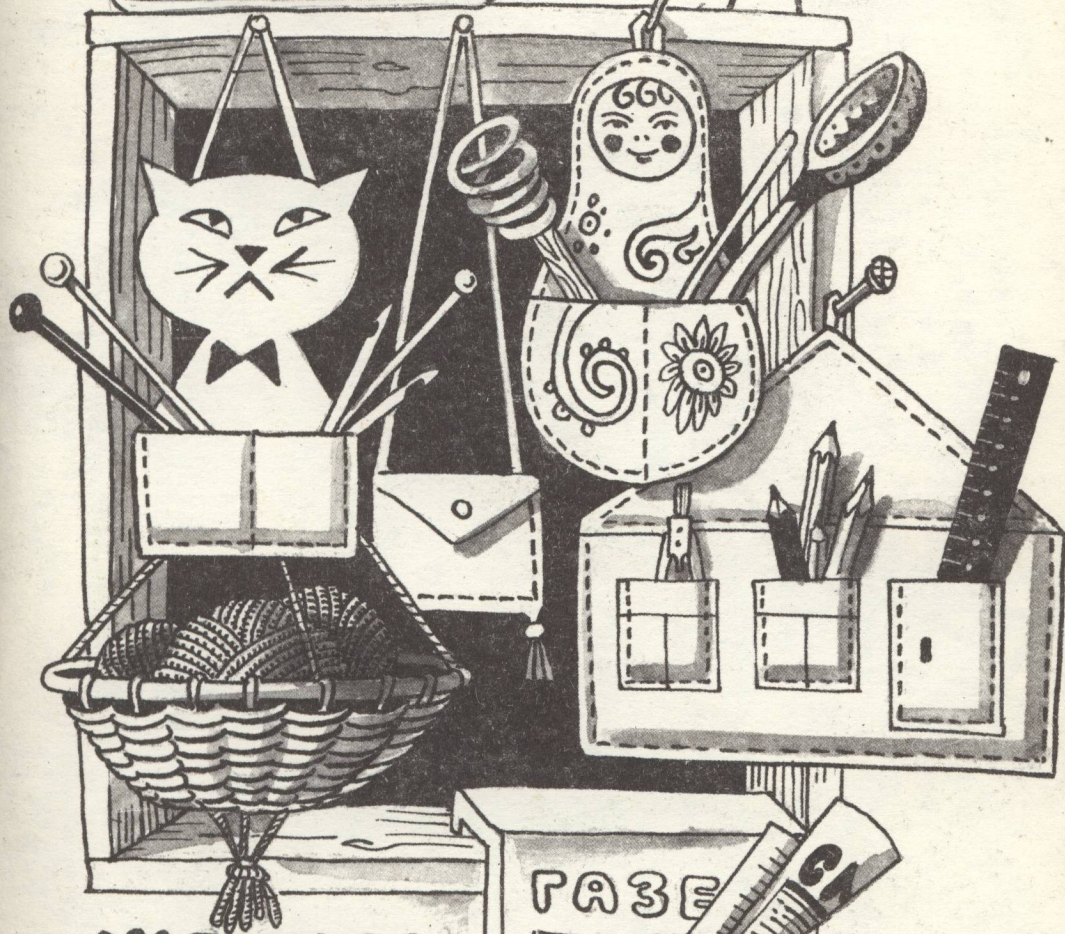
Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, А. Н. Томилин, И. А. Туричин.

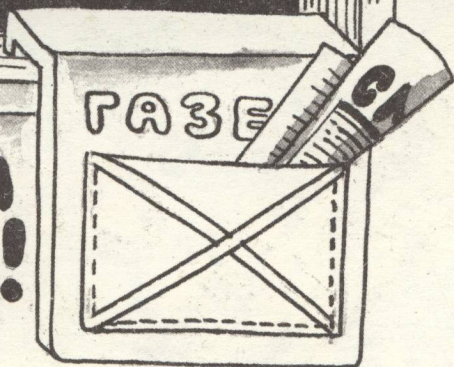
Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая. Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 01.09.86. Подписано к печати 11.10.86. М-29747. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,83. Тираж 60 000 экз. Заказ № 558. Цена 20 коп. Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского, Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

**ЖЕЛАЕМ
УСПЕХОВ!**

«- ВКЛЮЧАЮ ИНОПЛАНЕТНУЮ ЗАЩИТУ, -
- СКАЗАЛ МАРЦЕЛЛИИ НАДЯВШАЯ
НА КНОПКУ СВОЕЙ «ФЛЕЙТЫ»»

И ВМЕСТЕ
 - СКАЗАЛ
 НА КТО-ТО
 ТОТ ЖЕ
 МИГ ВЫСОКО В НЕБЕ
 РАКЛАХНУЛИСЬ ОГРОМНЫЕ
 ВОЛНЫ И ОТТУДА ЛЫНУЛ ВНИЗ
 ПОТОК ЗОЛОТОГО
 ПРОЗРАЧНОГО
 СВЕТА.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ
"ИСКОРКА"
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ИНДЕКС 73735 ЦЕНА 20 коп.